

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков

Пьеса в четырех актах.

Участь смельчаков, считавших, что газа бояться нечего, всегда была одинакова - смерть!

"Боевые газы"

...и не буду больше поражать всего живущего, как я сделал: впредь во все дни Земли сеяние и жатва не прекратятся.

Из неизвестной книги, найденной Маркизовым

Действующие лица

Ева Войкевич, 23 лет.

Адам Николаевич Красовский, инженер, 28 лет.

Ефросимов Александр Ипполитович, академик, 41 года.

Дараган Андрей Федорович, авиатор, 37 лет.

Пончик-Непобеда, литератор, 35 лет.

Захар Севастьянович Маркизов, изгнанный из профсоюза, 32 лет.

Аня, домработница, лет 23.

Туллер 1-й

Туллер 2-й брата.

Клавдия Петровна, врач-психиатр, лет 35.

Мария Вирус, лет 28, женщина-авиатор.

Де Тимонеда, авиатор.

Зевальд, авиатор.

Павлов, авиатор.

Акт первый

Май в Ленинграде. Комната в первом этаже, и окно открыто во двор. Наиболее примечательной частью обстановки является висящая над столом лампа под густым абажуром. Под ней хорошо пасьянс раскладывать, но всякая мысль о пасьянсах исключается, лишь только у лампы появляется лицо Ефросимова. Также заметен громкоговоритель, из которого течет звучно и мягко "фауст" из Мариинского театра. Во дворе изредка слышна гармоника. Рядом с комнатой передняя с телефоном.

Адам (целует Еву). А чудная опера этот "фауст". А ты меня любишь?

Ева. Люблю.

Адам. Сегодня "фауст", а завтра вечером мы едем на Зеленый Мыс! Я счастлив! Когда стоял в очереди за билетами, весь покрылся горячим потом и понял, что жизнь прекрасна!..

Аня (входит внезапно). Ах...

Адам. Аня! Вы хоть бы это... как это... постучались!..

Аня. Адам Николаевич! Я думала, что вы в кухне!

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Адам. В кухне? В кухне? Зачем же я буду в кухне сидеть, когда "Фауст" идет?

Аня расставляет на столе посуду.

Адам. На полтора месяца на Зеленый Мыс! (Жонглирует и разбивает стакан.)

Ева. Так!..

Аня. Так. Стакан чужой! Дараганов стакан.

Адам. Куплю стакан. Куплю Дарагану пять стаканов.

Аня. Где вы купите? Нету стаканов.

Адам. Без паники! Будут стаканы к концу пятилетки! Да... вы правы, Анна Тимофеевна. Именно в кухне я должен быть сейчас, ибо я хотел вычистить желтые туфли. (Скрывается.)

Аня. Ах, завидно на вас смотреть, Ева Артемьевна! И красивый, и инженер, и коммунист.

Ева. Знаете, Анюточка, я, пожалуй, действительно счастлива. Хотя... впрочем... черт его знает!.. Да почему вы не выходите замуж, если вам уж так хочется?

Аня. Все мерзавцы попадают, Ева Артемьевна! Всем хорошие достались, а мне попадет какая-нибудь игрушечка, ну как в лотерее! И пьет, сукин сын!

Ева. Пьет?

Аня. Сидит в подштанниках, в синем пенсне, читает "Графа Монте-Кристо" и пьет с Кубиком.

Ева. Он несколько хулиганистый парень, но очень оригинальный.

Аня. Уж на что оригинальный! Бандит с гармоникой. Нет, не распишусь. Он на прошлой неделе побил бюрократа из десятого номера, а его из профсоюза выкинули. И Баранову обманул, алименты ей заставили платить. Это же не жизнь!

Ева. Нет, я проверяю себя, и действительно, я, кажется, счастлива.

Аня. Зато Дараган несчастлив.

Ева. Уже знает?

Аня. Я сказала.

Ева. Ну, это свинство, Аня!

Аня. Да что вы! Не узнает он, что ли? Он сегодня спрашивает: "А что, Ева придет вечером к Адаму?" А я говорю: "Придет и останется". – "Как?" "А так, – говорю, – что они сегодня расписались!" "Как?!" Ага, ага, покраснели!.. Всю квартиру завлекли!

Ева. Что вы выдумываете! Кого я завлекала?..

Аня. Да уж будет вам сегодня! Вот и Пончик явится. Тоже влюблен.

Ева. На Зеленый Мыс! Не медля ни секунды, завтра вечером в мягком вагоне, и никаких Пончиков!

Аня выметает осколки и выходит.

Адам (влетает). А комната тебе нравится моя?

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ева. Скорее нравится. Да, нравится...

Адам целует ее.

Ева. Сейчас Аня вкатится... Погоди!

Адам. Никто, никто не придет! (целует.)

Внезапно за окном голоса. Голос Маркизова: "Буржуй!", голос Ефросимова: "Это хулиганство!" Голос Маркизова: "Что? Кто это такой – хулиган? А?" – и на подоконник со двора вскакивает Ефросимов. Возбужден. Дергается. Ефросимов худ, брит, в глазах туман, а в тумане свечки. Одет в великолепнейший костюм, так что сразу видно, что он недавно был в заграничной командировке, а безукоризненное белье Ефросимова показывает, что он холост и сам никогда не одевается, а какая-то старуха, уверенная, что Ефросимов полубог, а не человек, утюжит, гладит, напоминает, утром подает... Через плечо на ремне у Ефросимова маленький аппарат, не очень похожий на фотографический. Окружающих Ефросимов удивляет странными интонациями и жестиком.

Ефросимов. Простите, пожалуйста!..

Адам. Что такое?!

Ефросимов. За мной гонятся пьяные хулиганы!(Соскакивает в комнату.)

На подоконнике появляется Маркизов. Он, как описала Аня, в кальсонах и в синем пенсне и, несмотря на душный вечер, в пальто с меховым воротником.

Маркизов. Кто это хулиган? (В окно.) Граждане! Вы слышали, что я хулиган? (Ефросимову.) Вот я сейчас тебя стукну по уху, ты увидишь тогда, кто здесь хулиган!

Адам. Маркизов! Сию минуту убирайтесь из моей комнаты!

Маркизов. Он шляпу надел! А?

Ефросимов. Ради бога! Он разобьет аппарат!

Ева. Вон из комнаты! (Адаму.) Позвони сейчас же в милицию!

Аня (вбежав). Опять Захар?!

Маркизов. Я извиняюсь, Анна Тимофеевна! Меня оскорбили, а не Захар! (Еве.) Милицию собираетесь по вечерам беспокоить? Члены профсоюза?

Аня. Уйди, Захар!

Маркизов. Уйду-с. (В окно.) Васенька, дружок! И ты, Кубик! Верные секунданты мои! Станьте, друзья, у парадного хода. Тут выйдет из квартиры паразит в сиреневом пиджаке. Алкоголик-фотограф. Я с ним буду иметь дуэль. (Ефросимову.) Но я вам, заграничный граф, не советую выходить! Ставь себе койку в этой квартире, прописывайся у нас в жакте. Пока. (Скрывается.)

Ефросимов. Я об одном сожалею, что при этой сцене не присутствовало советское правительство. Чтобы я показал ему, с каким материалом оно собирается построить бесклассовое общество!..

В окно влетает кирпич.

Адам. Маркизов! Ты сядешь за хулиганство!

Ева. Ах, какая дрянь!

Ефросимов. Я – алкоголик? Я – алкоголик? Я в рот не беру ничего спиртного, уверяю вас! Правда, я курю, я очень много курю!..

Ева. Успокойтесь, успокойтесь... Просто он безобразник.

Ефросимов (дергаясь). Нет, я спокоен! Совершенно! Меня смущает только одно, что я потревожил вас. Сколько же это времени мне, в самом деле, сидеть в осаде?

Адам. Ничего, ничего. Эти секунденты скоро рассосутся. В крайнем случае я приму меры.

Ефросимов. Нет ли у вас... это... как называется... воды?

Ева. Пожалуйста, пожалуйста.

Ефросимов (напившись). Позвольте мне представиться. Моя фамилия... ГМ... Александр Ипполитович... А фамилию я забыл!..

Адам. Забыли свою фамилию?

Ефросимов. Ах, господи! Это ужасно!.. Как же, черт, фамилия? Известная фамилия. На эр... на эр... Позвольте: цианбром... фенил-ди-хлор-арсин... Ефросимов! Да. Вот какая фамилия. Ефросимов.

Адам. Так, так, так... Позвольте... Вы?..

Ефросимов. Да, да, именно. (Пьет воду.) Я, коротко говоря, профессор химии и академик Ефросимов. Вы ничего не имеете против?

Ева. Мы очень рады.

Ефросимов. А вы? К кому попал через окно?

Адам. Адам Красовский.

Ефросимов. Вы – коммунист?

Адам. Да.

Ефросимов. Очень хорошо! (Еве.) А вы?

Ева. Я – Ева Войкевич.

Ефросимов. Коммунистка?

Ева. Нет. Я – беспартийная.

Ефросимов. Очень, очень хорошо. Позвольте! Как вы назвали себя?

Ева. Ева Войкевич.

Ефросимов. Не может быть!

Ева. Почему?

Ефросимов. А вы?.. Э...

Ева. Это мой муж. Мы сегодня поженились. Ну да, да, Адам и Ева!..

Ефросимов. Ага! Я сразу подметил. А вы говорите, что я сумасшедший!

Ева. Этого никто не говорил!

Ефросимов. Я вижу, что вы это думаете. Но нет, нет! Не беспокойтесь: я нормален. Вид у меня действительно, я сознаю... Когда я шел по городу, эти... ну вот,

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
опять забыл... ну, маленькие... ходят в школу?..

Ева. Дети?

Ефросимов. Мальчики! Именно они. Свистели, а эти... ну, кусают. Рыжие.

Адам. Собаки?

Ефросимов. Да. Бросались на меня, а на углах эти...

Адам. } Милиционеры!

Ева. }

Ефросимов. Косились на меня. Возможно, что я шел зигзагами. В ваш же дом я попал потому, что хотел видеть профессора Буслова, но его нет дома. Он ушел на "Фауста". Разрешите мне только немножко отдохнуть. Я - измучился.

Ева. Пожалуйста, пожалуйста. Ждите у нас Буслова.

Адам. Вот мы сейчас закусим...

Ефросимов. Благодарю вас! Вы меня просто очаровали!

Адам. Это фотографический аппарат у вас?

Ефросимов. Нет. Ах! Ну да. Конечно, фотографический. И знаете, раз уж судьба привела меня к вам, позвольте мне вас снять.

Ева. Я, право...

Адам. Я не знаю...

Ефросимов. Садитесь, садитесь... Да, но, виноват... (Адаму.) У вашей жены хороший характер?

Адам. По-моему, чудный.

Ефросимов. Прекрасно! Снять, снять! Пусть живет.

Адам (тихо). Ну его в болото. Я не желаю сниматься...

Ефросимов. Скажите, Ева, вы любите?..

Ева. Жизнь?.. Я люблю жизнь. Очень.

Ефросимов. Молодец! Молодец! Великолепно. Садитесь!

Адам (тихо). К черту, к черту, не хочу я сниматься он сумасшедший!

Ева (тихо). Он просто оригинал, как всякий химик. Брось! (Громко.) Ну, Адам! Я, наконец, прошу тебя!

Адам хмуро усаживается рядом с Евой. В дверь стучат, но Ефросимов занят аппаратом, а Адам и Ева своими позами. В дверях появляется Пончик-Непобеда, а на окно осторожно взбирается Маркизов.

Ефросимов. Внимание!

Из аппарата бьет ослепительный луч.

Пончик. Ах! (Ослепленный, скрывается.)

Маркизов. Ах, чтоб тебе! (Скрывается за окном.)

Луч гаснет.

Ева. Вот так магний!

Пончик (постучав вторично). Адам, можно?

Адам. Можно, можно. Входи, Павел!

Пончик входит. Это малый с блестящими глазками, в роговых очках, штанах до колен и клетчатых чулках.

Пончик. Здорово, старик! Ах, и Ева здесь? Снимались? Вдвоем? Хе-хе-хе. Вот как-с! Я сейчас. Только приведу себя в порядок. (Скрывается.)

Ева. Вы дадите нам карточку?

Ефросимов. О, натурально, натурально. Только не теперь, а немного погодя.

Адам. Какой странный аппарат. Это заграничный? В первый раз вижу такой...

Послышался дальний тоскливый вой собаки.

Ефросимов (тревожно). Чего это собака воеет? Гм?.. Вы чем занимаетесь, Ева...?

Ева. Артемьевна. Я учусь на курсах иностранных языков.

Ефросимов. А вы, Адам?

Адам. Николаевич! Я - инженер.

Ефросимов. Скажите мне какую-нибудь простенькую формулу, ну, к примеру, формулу хлороформа?

Адам. Хлороформа? Хлороформа. Ева, ты не помнишь формулу хлороформа?

Ева. Я никогда и не знала ее!

Адам. Видите ли, я специалист по мостам.

Ефросимов. А, тогда это вздор... Вздор эти мосты сейчас. Бросьте их! Ну кому в голову сейчас придет думать о каких-то мостах! Право, смешно... Ну, вы затратите два года на постройку моста, а я берусь взорвать вам его в три минуты. Ну какой же смысл тратить материал и время. Фу, как душно! И почему-то воют псы! Вы знаете, я два месяца просидел в лаборатории и сегодня в первый раз вышел на воздух. Вот почему я так странен и стал забывать простые слова! (Смеется.) Но представляю, себе лица в Европе! Адам Николаевич, вы думаете о том, что будет война?

Адам. Конечно, думаю. Она очень возможна, потому что капиталистический мир напоен ненавистью к социализму.

Ефросимов. Капиталистический мир напоен ненавистью к социалистическому миру, а социалистический напоен ненавистью к капиталистическому, дорогой строитель мостов, а формула хлороформа СНС13! Война будет потому, что сегодня душно! Она будет потому, что в трамвае мне каждый день говорят: "Ишь шляпу надел!" Она будет потому, что при прочтении газет (вынимает из кармана две газеты) волосы шевелятся на голове и кажется, что видишь кошмар. (Указывает в газету.) Что напечатано? "Капитализм необходимо уничтожить". Да? А там (указывает куда-то вдаль), а там что напечатано? А там напечатано: "Коммунизм надо уничтожить". Кошмар! Негра убили на электрическом стуле. Совсем в другом месте, черт знает где, в Бомбейской провинции, кто-то перерезал телеграфную проволоку, в Югославии

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru казнили, стреляли в Испании, стреляли в Берлине. Завтра будут стрелять в Пенсильвании. Это сон! И девушки с ружьями, девушки! – ходят у меня по улице под окнами и поют: "Винтовочка, бей, бей, бей... буржуев не жале!" Всякий день! Под котлом пламя, по воде ходят пузырьки, какой же, какой слепец будет думать, что она не закипит?

Адам. Виноват, профессор, я извиняюсь! Негр – это одно, а винтовочка, бей – это правильно. Вы, профессор Ефросимов, не можете быть против этой песни!

Ефросимов. Нет, я вообще против пения на улицах.

Адам. Ге... ге... ге. Однако! Будет страшный взрыв, но это последний, очищающий взрыв, потому что на стороне СССР – великая идея.

Ефросимов. Очень возможно, что это великая идея, но дело в том, что в мире есть люди с другой идеей, и идея их заключается в том, чтобы вас с вашей идеей уничтожить.

Адам. Ну, это мы посмотрим!

Ефросимов. Очень боюсь, что многим как раз посмотреть ничего не удастся! Все дело в старичках!..

Ева. Каких старичках?..

Ефросимов (таинственно). Чистенькие старички, в цилиндрах ходят... По сути дела, старичкам безразлична какая бы то ни было идея, за исключением одной – чтобы экономка вовремя подавала кофе. Они не привередливы!.. Один из них сидел, знаете ли, в лаборатории и занимался, не толкаемый ничем, кроме мальчишеской любознательности, чепухой: намешал в колбе разной дряни – вот вроде этого хлороформа, Адам Николаевич, серной кислоты и прочего – и стал подогревать, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Вышло из этого то, что не успел он допить свой кофе, как тысячи людей легли рядышком на полях... затем посинели как сливы, и затем их всех на грузовиках свезли в яму. А интереснее всего то, что они были молодые люди, Адам, и решительно не повинные ни в каких идеях. Я боюсь идей! Всякая из них хороша сама по себе, но лишь до того момента, пока старичок-профессор не вооружит ее технически. Вы – идею, а ученый в дополнение к ней – ...мышьяк!..

Ева (печально под лампой). Мне страшно. Теперь я знаю, тебя отравят, мой Адам!

Адам. Не бойся, Ева, не бойся! Я надену противогаз, и мы встретим их!

Ефросимов. С таким же успехом вы можете надвинуть шляпу на лицо! О, милый инженер! Есть только одно ужасное слово, и это слово "сверх". Могу себе представить человека, героя даже, идиота в комнате. Но сверхидиот? Как он выглядит? Как пьет чай? Какие поступки совершает? Сверхгерой? Не понимаю! Бледнеет фантазия! Весь вопрос в том, чем будет пахнуть. Как ни бился старичок, всегда чем-нибудь пахло, то горчицей, то миндалем, то гнилой капустой, и, наконец, запахло нежной геранью. Это был зловещий запах, друзья, но это не "сверх"! "Сверх" же будет, когда в лаборатории ничем не запахнет, не загремит и быстро подействует. Тогда старик поставит на пробирке черный крестик, чтобы не спутать, и скажет: "Я сделал, что умел. Остальное – ваше дело. Идеи, столкнитесь!" (Шепотом.) Так вот, Адам Николаевич, уже не пахнет ничем, не взрывается и быстро действует.

Ева. Я не желаю умирать! Что же делать?

Ефросимов. В землю! Вниз! В преисподнюю, о прародительница Ева! Вместо того, чтобы строить мост, стройте подземный город и бегите вниз!

Ева. Я не желаю ничего этого! Адам, едем скорее на Зеленый Мыс!

Ефросимов. О, дитя мое! Я расстроил вас? Ну, успокойтесь, успокойтесь! Забудьте обо всем, что я сказал: войны не будет. Вот почему: найдется, наконец, тот, кто скажет: если уж нельзя прекратить поток идей, обуревающих, между прочим, и Адама Николаевича, то нужно обуздать старичков. Но за ними с противогазом не угонишься! Требуется что-то радикальное. Смотрите (накладывает одну кисть руки

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru на другую), это клетка человеческого тела... Теперь (сдвигает пальцы) что произошло? Та же прежняя клетка, но щели между частицами ее исчезли, а через эти щели, Адам Николаевич, и проникал старичок! Непонятно? Все спокойно! Поезжайте в Зеленый Мыс! Благословляю вас, Адам и Ева!

В дверях бесшумно появляется Дараган. Он в черном. Во всю грудь у него вышита серебряная летная птица.

Если кто-нибудь найдет этот способ сдвинуть пальцы, то, Адам Николаевич, химическая война не состоится, а следовательно, не состоится и никакая война. Но только весь вопрос в том, кому отдать такое изобретение...

Дараган (внезапно). Это самый легкий вопрос, профессор. Такое изобретение нужно немедленно отдать Реввоенсовету Республики...

Адам. А, Дараган! Вот, познакомьтесь: Андрей Дараган.

Дараган. Я знаю профессора. Очень приятно.

Адам. Ну, Дараган. Сознаюсь – мы расписались сегодня с Евой.

Дараган. И это уже знаю. Ну что же, поздравляю, Ева. Переехали к нам? Соседи будем. Я слушал вас, профессор. Вы прочли нашим командирам лекцию "Улавливание боевых мышьяков". Какой блеск!

Ефросимов. Ах да, да!.. Как же... Да что же "улавливание" – разве их уловишь?

Дараган. Приятно, что в республике трудящихся имеются такие громадные научные силы, как вы.

Ефросимов. Благодарю вас! А вы чем изволите заниматься?

Дараган. Ну, я что ж? Служу республике в должности командира истребительной эскадрильи.

Ефросимов. Ах, так, так...

Дараган. Профессор, вот вы говорили, что возможно такое изобретение, которое исключит химическую войну?

Ефросимов. Да.

Дараган. Поразительно! Вы даже спрашивали, куда его сдать?

Ефросимов (морщась). Ах да. Это мучительнейший вопрос... Я полагаю, что, чтобы спасти человечество от беды, нужно сдать такое изобретение всем странам сразу.

Дараган (темнея). Как? (Пауза.) Всем странам? Профессор, что вы говорите! Отдать капиталистическим странам изобретение исключительной военной важности?

Ефросимов. Ну, а как же быть, по-вашему?

Дараган. Я поражен. По-моему... Извините, профессор, но я бы не советовал вам нигде даже произносить это... право...

Адам за спиной Ефросимова делает знак Дарагану, обозначающий: "Ефросимов не в своем уме".

Дараган (покосившись на аппарат Ефросимова). Впрочем, конечно, это вопрос очень сложный... А это простое изобретение?

Ефросимов. Я полагаю, что оно будет просто... сравнительно.

Пончик (входя с шумом). Привет, товарищи, привет! Вот и я! Ева! (Целует ей

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

руку.)

Ева. Знакомьтесь...

Пончик. Литератор Пончик-Непобеда.

Ефросимов. Ефросимов.

Все садятся за стол.

Пончик. Поздравьте, друзья! В Ленинграде большая литературная новость...

Ева. Какая?

Пончик. Мой роман принят к печатанию... Двадцать два печатных листика. Так-то-с...

Адам. Читай!

Ева. Вот сейчас закусим...

Пончик. Можно читать и во время еды.

Адам. У нас тоже литературная новость: мы, брат, сегодня расписались...

Пончик. Где?

Адам. Ну где... В загсе...

Пончик. Так... (Пауза.) Поздравляю!

Дараган. А вы где, профессор, живете?

Ефросимов. Я живу... ну, словом, номер шестнадцатый... Коричневый дом... Виноват... (Вынимает записную книжку.) Ага... Вот. Улица Жуковского... Нет... С этим надо бороться...

Дараган. Только что переехали?

Ефросимов. Да нет, третий год живу. Забыл, понимаете ли, название улицы...

Ева. Со всяким может случиться!

Дараган. Угу...

Пончик дико смотрит на Ефросимова.

Адам. Ну, роман! Роман!

Пончик (вооружается рукописью, и под лампой сразу становится уютно. Читает). "Красные Зелены". Роман. Глава первая. ...Там, где некогда тощую землю бороздили землистые лица крестьян князя Барятинского, ныне показались свежие щечки колхозниц. – Эх, Ваня! Ваня! зазвенело на меже..."

Ефросимов. Тысячу извинений... Я только один вопрос: ведь это было напечатано во вчерашней "вечерке"?

Пончик. Я извиняюсь, в какой "вечерке"? Я читаю рукопись!

Ефросимов. Простите. (Вынимает газету, показывает Пончику.)

Пончик (поглядев в газету). Какая сволочь! А!

Адам. Кто?

Пончик. Марьин-Рощин. Вот кто! Нет, вы послушайте! (Читает в газете.) "...Там, где когда-то хилые поля обрабатывали голодные мужики графа Шереметева..." Ах, мерзавец! (Читает.) "...теперь работают колхозницы в красных повязках. – Егорка! – закричали на полосе..." Сукин сын!

Ева. Списал?

Пончик. Как он мог списать? Нет! Мы в одной бригаде ездили в колхоз, и он таскался со мной по колхозу как тень, и мы видели одни и те же картины.

Дараган. А именье-то чье? Шереметева или Барятинского?

Пончик. Дондукова-Корсакова именье.

Ефросимов. Что ж! Теперь публике останется решить одно: у кого из двух эти картины вышли лучше...

Пончик. Так... так... У кого лучше вышли картины... У лакировщика и примазавшегося графомана или же у Павла Пончика-Непобеды?

Ефросимов (простодушно). У графомана вышло лучше.

Пончик. Мерси, Адам, мерси. (Ефросимову.) Аполлон Акимович лично мне в Москве сказал: "Молодец! Крепкий роман!"

Ефросимов. А кто это – Аполлон Акимович?

Пончик. Здравсьте! Спасибо, Адам... Может быть, гражданин не знает, кто такой Савелий Савельевич? Может быть, он "Войны и мира" не читал? В Главлите никогда не был, но критикует!

Ева. Павел Апостолович!

Дараган. Товарищи! По рюмке водки!

В передней звонок телефона. Дараган выбегает в переднюю и задергивает комнату занавесом.

Да... Я у телефона. (Пауза. Бледнеет.) Вышла уже машина? (Пауза.) Сейчас! (Вешает трубку, зовет тихонько.) Пончик-Непобеда! Пончик!

Пончик (выходит в переднюю). Что это за гусь такой?

Дараган. Это знаменитый химик Ефросимов.

Пончик. Так черт его возьми! Может, он в химии и смыслит...

Дараган. Погодите, Пончик-Непобеда, слушайте: я сейчас уеду срочно на аэродром. Вы же сделайте следующее: никуда не звоня по телефону и сказав Адаму, чтобы профессор ни в коем случае не вышел отсюда, отправьтесь и сообщите, первое, что профессор Ефросимов, по моему подозрению, сделал военной величайшей важности открытие. Что это изобретение в виде аппарата надето на нем. Что он здесь. Это раз. Второе, по моему подозрению, он психически расстроен и может натворить величайшей ерунды в смысле заграницы... Третье, пусть сейчас же явятся и проверят все это. Все. Но, Пончик-Непобеда, если профессор с аппаратом уйдет отсюда, отвечать будете вы по делу о государственной измене.

Пончик. Товарищ Дараган, помилуйте...

Резкий стук в дверь.

Дараган (открыв дверь, говорит). Не помилую. Еду. (И исчезает без фуражки.)

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Пончик. Товарищ Дараган, вы фуражку забыли!

Дараган (за дверью). Черт с ней!

Пончик. Вот навязалась история на мою голову! (Тихонько.) Адам! Адам!

Адам (выходя в переднюю). Что такое?

Пончик. Слушай, Адам. Прими меры, чтобы этот чертов химик никуда от тебя со своим аппаратом не ушел, пока я не вернусь!

Адам. Это что обозначает?

Пончик. Мы сейчас с Дараганом догадались, что на нем государственное военное изобретение. Аппарат!

Адам. Это фотографический аппарат!

Пончик. Какой там черт фотографический!

Адам. А-а!

Пончик. Я вернусь не один. И помни: отвечать будешь ты! (Бросается в дверь.)

Адам (в дверь). Где Дараган?

Пончик (за дверью). Не знаю.

Адам. Что за собачий вечер! (Потрясенный, возвращается в комнату.)

Ева. А где Пончик и Дараган?

Адам. Они пошли в магазин.

Ева. Вот чудачки! Ведь все же есть...

Адам. Они сейчас придут.

Пауза.

Ефросимов (неожиданно). Боже мой! Жак! Жак! Ах, я дурак! Ведь я же забыл снять Жака!.. В первую очередь! Господи! Ведь это прямо помрачение ума. Но не может же быть, чтобы все свалилось так внезапно и сию минуту. Успокойте меня, Ева! Что, "Фауст" идет еще? Ах, ах... ах... (Подходит к окну и начинает смотреть в него.)

Адам (тихо Еве). Ты считаешь его нормальным?

Ева. Я считаю его совершенно нормальным.

Ефросимов. "Фауст" идет еще?

Ева. Сейчас. (Открывает громкоговоритель, и оттуда слышны последние такты сцены в храме, а затем начинается марш.) Идет.

Ефросимов. И зачем физиологу Буслову "Фауст"?

Ева. Голубчик, Александр Ипполитович, что случилось? Перестаньте так волноваться, выпейте вина!

Ефросимов. Постойте, постойте! Слышите, опять...

Адам (тревожно). Что? Ну, собака завyla. Ее дразнит гармоника...

Ефросимов. Ах нет, нет. Они целый день воют сегодня. И если б вы знали, как это меня тревожит!. И я уже раздираем между двумя желаниями: ждать Буслова или бросить его и бежать к Жаку...

Адам. Кто такой Жак?

Ефросимов. Ах, если бы не Жак, я был бы совершенно одинок на этом свете, потому что нельзя же считать мою тетку, которая гладит сорочки... Жак освещает мою жизнь... (Пауза.) Жак – это моя собака. Вижу, идут четверо, несут щенка и смеются. Оказывается – вешать. И я им заплатил двенадцать рублей, чтобы они не вешали его. Теперь он взрослый, и я никогда не расстанусь с ним. В неядовитые дни он сидит у меня в лаборатории и он смотрит, как я работаю. За что вешать собаку?..

Ева. Александр Ипполитович, вам непременно нужно жениться!

Ефросимов. Ах, я ни за что не женюсь, пока не узнаю, почему развылись собаки!.. Так что же, наконец, научите! Ждать ли Буслова или бежать к Жаку? А?

Ева. Миленький Александр Ипполитович! Нельзя же так! Ну что случится с вашим Жаком? Ведь это же просто – неврастения! Ну конечно, дождаться Буслова, поговорить с ним и спокойно отправиться домой и лечь спать!

Звонок. Адам идет открывать, и входят Туллер 1-й, Туллер 2-й и Клавдия Петровна. Последним входит озабоченный Пончик.

Туллер 1-й. Привет, Адам! Узнали о твоём бракосочетании и решили нагреть к тебе – поздравить! Здорово...

Адам (растерян, он видит Туллера впервые в жизни). Здорово... входите!..

Входят в комнату.

Туллер 1-й. Знакомь же с женой!

Адам. Вот это, Ева... Э...

Туллер 1-й. Туллер, Адамов друг. Наверное, он не раз рассказывал обо мне?

Ева. Нет, ничего не говорил!..

Туллер 1-й. Разбойник! Прошу, знакомьтесь: это мой двоюродный брат – тоже Туллер!

Туллер 2-й. Туллер!

Туллер 1-й. Мы, Ева Артемьевна, вот и Клавдию прихватили с собой. Знакомьтесь? Ну, это просто ученая женщина. Врач. Психиатр. Вот как. Тоже ничего не говорил? Хорош друг! Ах, Адам! (Еве.) Вы не сердитесь на незваных гостей?

Ева. Нет, нет, зачем же? У Адама всегда очень симпатичные приятели. Аня! Аня!

Туллер 1-й. Нет, нет, никаких хлопот! Мой двоюродный брат Туллер – хозяйственник...

Туллер 2-й. Туллер прав... (Разворачивает сверток.)

Ева. Это совершенно напрасно. У нас все есть.

Входит Аня, ей передают коробки, она уходит.

Пончик, садитесь! А где же Дараган? Садитесь, товарищи!

Клавдия. Боже, какая жара!

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Ева. Адам, познакомь же...

Туллер 1-й. С кем? С Александром Ипполитовичем? Что вы! Мы прекрасно знакомы!

Туллер 2-й. Туллер, Александр Ипполитович тебя явно не узнает!

Туллер 1-й. Быть этого не может!

Ефросимов. Простите... я, право, так рассеян... я действительно не узнаю...

Туллер 1-й. Но как же...

Клавдия. Оставьте, Туллер, в такую жару родного брата не узнаешь! У меня в августе положительно плавятся мозги. Ах этот август!

Ефросимов. Простите, но сейчас же ведь не август?..

Клавдия. Как не август? А какой же у нас месяц, по-вашему?

Туллер 1-й. Вот тебе раз! Клавдия от духоты помешалась! Александр Ипполитович! Скажите ей, бога ради, какой теперь месяц?

Ефросимов. Во всяком случае, не август, а этот... как его... как его...

Пауза.

Туллер 1-й (тихо и значительно). Май у нас в СССР, Александр Ипполитович, май!.. (Весело.) Итак: в прошлом году, в этом же мае... Сестрорецк... Вы жили на даче у вдовы Марьи Павловны Офицерской, а я рядом, у Козловых. Вы с Жаком ходили купаться, и я вашего Жака даже снял один раз!

Ефросимов. Вот оказия... совершенно верно: Марья Павловна... у меня, по-видимому, отшибло память!

Туллер 2-й. Эх ты, фотограф. Видно, ты не очень примечательная личность! Ты лучше обрати внимание, какой у профессора замечательный аппарат!

Туллер 1-й. Туллер! Это не фотографический аппарат!

Туллер 2-й. Ну что ты мне рассказываешь! Это заграничный фотографический аппарат!

Туллер 1-й. Туллер!..

Туллер 2-й. Фотографический!

Туллер 1-й. А я говорю - не фотографический!

Туллер 2-й. Фо-то-графический!

Ефросимов. Видите ли, гражданин Туллер, это...

Туллер 1-й. Нет, нет, профессор, его надо проучить. Пари на пятнадцать рублей желаешь?

Туллер 2-й. Идет!

Туллер 1-й. Ну-с, профессор, какой это аппарат? Фотографический?

Ефросимов. Видите ли, это не фотографический аппарат...

Ева. Как?!

Входит Аня и начинает вынимать из буфета посуду. В громкоговорителе мощные хоры с оркестром поют: "Родины славу не посрамим!.."

Туллер 1-й. Гоп! Вынимай пятнадцать рублей! Это - урок!

Туллер 2-й. Но, позвольте, как же, ведь это же "Гном"?..

Туллер 1-й. Сам ты гном!

Вдруг послышался визг собаки, затем короткий вопль женщины.

Аня (роняет посуду). Ох! Тошно... (Падает и умирает.)

За окнами послышались короткие, быстро гаснущие крики. Гармоника умолкла.

Туллер 1-й. Ах!.. (Падает и умирает.)

Туллер 2-й. Богданов! Бери аппарат!.. (Падает и умирает.)

Клавдия. Я погибла! (Падает, умирает.)

Пончик. Что это такое?! Что это такое?! (Пятится, бросается бежать и исчезает из квартиры, хлопнув дверью.)

Музыка в громкоговорителе разваливается. Слышен тяжкий гул голосов, но он сейчас же прекращается. Настает полное молчание всюду.

Ефросимов. О, предчувствие мое! Жак!.. (Отчаянно.) Жак!

Адам (бросается к Клавдии, вглядывается в лицо, потом медленно идет к Ефросимову. Становится страшен). Так вот что за аппарат? Вы убили их? (Исступленно.) На помощь! Хватайте человека с аппаратом!

Ева. Адам! Что это?!

Ефросимов. Безумный! Что вы! Поймите, наконец! Ева, оторвите от меня дикую кошку!

Ева (глянув в окно). Ох, что же это?! Адам, глянь в окно! Дети лежат!..

Адам (оставив Ефросимова, подбегает к окну). Объясните, что это?

Ефросимов. Это? (В глазах у Ефросимова полные туманы.) Это? Идея!! Негр на электрическом стуле! Это - моя беда! Это - винтовочка, бей! Это - такая война! Это - солнечный газ!..

Адам. Что? Не слышу? Что? Газ! (Схватывает Еву за руку.) За мною! Скорее в подвал! За мной! (Тащит Еву к выходу.)

Ева. Адам, спаси меня!

Ефросимов. Остановитесь! Не бегите! Вам ничто уже не угрожает! Да поймите же наконец, что этот аппарат спасает от газа! Я сделал открытие! Я! Я! Ефросимов! Вы спасены! Сдержите вашу жену, а то она сойдет с ума!

Адам. А они умерли?

Ефросимов. Они умерли.

Ева. Адам! Адам! (Указывает на Ефросимова.) Он гений! Он пророк!

Ефросимов. Повтори! Гений? Гений? Кто-нибудь, кто видел живых среди мертвых, повторите ее слова!

Ева (в припадке страха). Боюсь мертвых! Спасите! В подвал! (Убегает.)

Адам. Куда ты? Остановись! Остановись! (Убегает за ней.)

Ефросимов (один). Умерли... И дети? Дети? Они выросли бы, и у них появились бы идеи... Какие? Повесить щенка?.. А ты, мой друг. Какая у тебя была идея, кроме одной – никому не делать зла, лежать у ног, смотреть в глаза и сытно есть!.. За что же вешать собаку?..

Свет начинает медленно убывать, и в Ленинграде настает тьма.

Занавес

Акт второй

Большой универсальный магазин в Ленинграде. Внутренняя лестница. Гигантские стекла внизу выбиты, и в магазине стоит трамвай, вошедший в магазин. Мертвая вагоновожатая. На лесенке у полки – мертвый продавец с сорочкой в руках. Мертвая женщина, склонившаяся на прилавок, мертвый у входа (умер стоя). Но более мертвых нет. Вероятно, публика из магазина бросилась бежать, и люди умирали на улице. Весь пол усеян раздавленными покупками.

В гигантских окнах универмага ад и рай. Рай освещен ранним солнцем сверху, а внизу ад – дальним густым заревом. Между ними висит дым, и в нем призрачная квадрига над развалинами и пожарищами. Стоит настоящая мертвая тишина.

Ева (входит с улицы, пройдя через разбитое окно. Платье на ней разорвано. Ева явно психически ущерблена. Говорит, обернувшись к улице). Но предупреждаю, я не останусь одна более четверти часа! Слышите? Я не меньше Жака могу рассчитывать на сожаление и внимание! Я – молодая женщина, и, наконец, я трусливая, я слабая женщина! Миленькие, голубчики, ну, хорошо, я все сделаю, но только не уходите далеко, так чтобы я ощущала ваше присутствие! Хорошо? А? Ушли!.. (Садится на лестнице.) Прежде всего закурить... Спички... (Обращается к мертвому продавцу.) Спички! (Шарит у него в карманах, вынимает спички, закуривает.) Наверное, ссорился с покупательницей? Дети, возможно, есть у тебя? Ну, ладно... (Поднимается по лесенке вверх и начинает выбирать на полке рубашки.)

Вверху слышен звук падения, посыпались на лестнице стекла, затем сверху по лестнице сбегает Дараган. Он до шеи запакован в промасленный костюм. Костюм этот разорван и окровавлен. На груди светит лампа. Лицо Дарагана покрыто язвами, волосы седые. Дараган бежит вниз, шаря в воздухе руками и неверно. Он – слеп.

Дараган. Ко мне! Ко мне! Эй, товарищи! Кто здесь есть? Ко мне! (Сбегает, падает у подножия лестницы.)

Ева (опомнившись, кричит пронзительно). Живой! (Закрывает лицо руками.) Живой! (Кричит на улицу.) Мужчины! Вернитесь! Адам! Появился первый живой! Летчик! (Дарагану.) Вам помогут сейчас! Вы ранены?

Дараган. Женщина? А? Женщина? Говорите громче, я оглох.

Ева. Я – женщина, да, женщина!

Дараган. Нет, нет, не прикасайтесь ко мне! Во мне смерть!

Ева. Мне не опасен газ!

Дараган. Назад, а то застрелю! Где нахожусь?

Ева. Вы в универмаге!

Дараган. Ленинград? Да?

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Ева. Да, да, да!

Дараган. Какого-нибудь военного ко мне! Скорее! Эй, женщина, военного!

Ева. Здесь никого нет!

Дараган. Берите бумагу и карандаш!

Ева. Нет у меня, нет!..

Дараган. А, черт! Неужели никого нет, кроме неграмотной уборщицы!..

Ева. Вы не видите? Не видите?

Дараган. О, глупая женщина! Я – слеп. Я падал слепой. Не вижу мира...

Ева (узнав). Дараган! Дараган!

Дараган. О, как я страдаю!.. (Ложится.) У меня язвы внутри...

Ева. Вы – Дараган! Дараган!

Дараган. А? Быть может... Сказано – не подходить ко мне?.. Слушайте, женщина: я отравлен, безумен и умираю. Ах! (Стонет.) ...Берите бумагу и карандаш!.. Грамотна?

Ева. Дайте же мне снять костюм с вас! Вы окровавлены!

Дараган (яростно). Русский язык понятен? Назад! Я опасен!

Ева. Что же это такое?.. Адам... Адам!.. Вы не узнаете меня по голосу?

Дараган. А? Громче, громче, гложу... Пишите: доношу... Мы сорвали воздушные фартуки, и наши бомбовозы прошли. Но в эскадрилье погибли все, кроме меня, вместе с аппаратами. Кроме того: город зажжен и фашистское осиное гнездо объято пламенем. Пламенем! Кроме того: не существует более трефовый опасный туз! Его сбил Дараган! Но сам Дараган, будучи отравлен смесью, стал слеп и упал в Ленинграде. Упав, службу Советов нести более не может. Он – холост. Я – холост. Пенсию отдает государству, ибо он, Дараган, одинок. А орден просит положить ему в гроб. Кроме того, просит... просит... дать знать... разыскать... ах, забыл... Еве дать знать, что Дараган – чемпион мира! Число, час, и в штаб. (Кричит.) Эй, эй, товарищи! (Вскакивает, заламывает руки, идет.) Кто-нибудь! Во имя милосердия! Застрелите меня! Во имя милосердия! Не могу переносить мучений! Дайте мне револьвер! Пить! Пить!

Ева. Не дам револьвер! Пейте!

Дараган (пробует пить из фляги и не может глотать). Револьвер! (Шарит.) В гондоле.

Ева. Не дам! Не дам! Терпите! Сейчас придут мужчины!

Дараган. Внутри горю! Пылаю!

В громкоговорителе вдруг взрыв труб.

Ева. Опять, опять сигнал! (Кричит.) Откуда? Откуда?

Громкоговоритель стихает.

Дараган. Не подпускать ко мне докторов! Перестреляю, гадов! Почему никто не сжалится над слепым? Зовите кого-нибудь! Или я, быть может, в плену?

Ева. Опомнитесь! Опомнитесь! Я – Ева! Ева! Вы знаете меня! О, Дараган, я не могу

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
видеть твоих страданий! Я – Ева!

Дараган. Не помню ничего! Не знаю никого! На помощь!

Послышался шум автомобиля.

Ева. Они! Они! Счастье! Адам! Адам! Сюда! Сюда! Здесь живой человек!

Вбегают Адам и Ефросимов.

Ефросимов. Боже праведный!

Адам. Александр Ипполитович! Это – Дараган! Откуда он? Откуда?!

Ева. Он упал здесь с аппаратом с неба!

Дараган. Назад все! Назад! Смерть! На мне роса!

Ефросимов. Каким газом вы отравлены? Каким газом?

Ева. Громче, громче! Он оглох...

Ефросимов. Оглох?.. (Передвигает кнопку в аппарате.)

Дараган. Товарищ! Доношу: я видел дымные столбы, их было без числа!

Ева. Он обезумел, милый Адам! Он не узнает никого! Милый Адам! Скорей, а то он умрет!

Ефросимов направляет луч из аппарата на Дарагана. Тот некоторое время лежит неподвижно и стонет, потом оживает и язвы на его лице затягиваются. Потом садится.

Ева (плачет, хватая Ефросимова за руки). Милый, любимый, великий, чудный человек, сиреневый, глазки расцеловать, глазки расцеловать! (Гладит голову Ефросимова, целует.) Какой умный!..

Ефросимов. Ага! Ага! Дайте мне еще отравленного! Еще! (Шарит лучом, наводит его на мертвого продавца.) Нет! Этот погиб! Нет! Не будет Жака!

Адам. Профессор! Профессор! Что же это вы? А? Спокойно!

Ефросимов. Да, да, спасибо. Вы правы... (Садится.)

Дараган. Я прозрел. Не понимаю, как это сделано... Кто вы такие? (Пауза.) Ева?!

Ева. Да, это я, я!

Дараган. Не становитесь близко, я сам сниму костюм. (Снимает.) Адам?

Адам. Да, я.

Дараган. Да не стойте же возле меня! Отравитесь! Как вы сюда попали? Ах да, позвольте... Понимаю: я упал сюда, а вы случайно были в магазине... Как звенит у меня в голове! Так вы сюда пришли... и...

Адам. Нет, Дараган, это не так.

Ефросимов. Не говорите ему сразу правды, а то вы не справитесь с ним потом...

Адам. Да, это верно.

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Дараган. Нет, впрочем, не все ясно... (Пьет.)

Адам. Откуда ты?

Дараган. Когда я возвращался из... ну, словом, когда закончил марш-маневр, я встретил истребителя-фашиста, чемпиона мира, Аса-Герра. Он вышел из облака, и я увидел в кругах его знак - трефовый туз!

В громкоговорителе начинается военный марш.

Почему музыка?

Ева (заплакав). Опять! Опять! Это - смерть ключьями летает в мире и то кричит на неизвестных языках, то звучит как музыка!

Адам. Ева, замолчи сейчас же!! (Трясет ее за плечи.) Молчать! Малодушная Ева! Если ты сойдешь с ума, кто вылечит тебя?

Ева. Да, да! (Утихает.)

Дараган. Он дымом начертил мне слово "коммун", затем выстучал мне "спускайся", а кончил тем, что очертил дымный трефовый туз. Я понял сигнал: коммунист, падай, я - Ас-Герр, - и в груди я почувствовал холодный ветер. Одному из нас не летать. Я знаю его мотор, а пулемет его выпускает сорок пуль в секунду. Он сделал перекрещение штопора, и поворот Иммельмана, и бочку - все, от чего у каждого летчика при встрече с Асом-Герром сердце сжимается в комок. У меня не сжалось, а, наоборот, как будто распухло и отяжелело! Он прошел у меня раз в мертвом пространстве, и в голове у меня вдруг все закипело, и я понял, что он обстрелял меня и отравил. Я не помню, как я вывернулся, и мы разошлись. Тут уже, смеясь и зная, что мне уже не летать более, я с дальней дистанции обстрелял его и вдруг увидел, как свернул и задымил Герр, скользнул и пошел вниз. Потом он летел как пук горячей соломы и сейчас лежит на дне Невы или в финском заливе. У меня же загорелось все внутри, и, слепой, я упал сюда... Он Ефросимов?

Музыка в радио прекращается.

Адам. Да.

Дараган. Позвольте, позвольте... Он изобрел, да, он изобрел аппарат... Идет война, вы, вероятно, знаете уже, впрочем? (Оглядывается, видит трамвай.) Что это значит?... (Встает, подходит к вагоновожатой, смотрит.) Что, мертва? Сошел с рельс? Бомба? Да? Ведите меня в штаб.

Адам. Вот что, Дараган, в Ленинграде нет ни одного человека.

Дараган. Какого - ни одного человека... ах, голова еще не ясна... Я в курсе дел... Когда я вылетел? А? Да, вчера вечером, когда тот читал про мужиков какого-то князя... Слушайте, воюет весь мир!..

Ева. Дараган, в Ленинграде нет никого, кроме нас! Только слушайте спокойно, чтобы не сойти с ума.

Дараган (вяло). Куда же все девались?

Ева. Вчера вечером, лишь только вы исчезли, пришел газ и задушил всех.

Ефросимов. Остались Ева и ее Адам и я!

Дараган. Ева, Адам!.. Между прочим, вы и вчера уже показались мне странным! Душевнобольным.

Ефросимов. Нет, нет, я нервно расстроен, но уж не боюсь сойти с ума, я присмотрелся, а вы бойтесь! Не думайте лучше ни о чем. Ложитесь, закутайтесь!

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Дараган (криво усмехнувшись). В Ленинграде два миллиона жителей... Куда, к черту! Я-то больше вашего знаю о налете... Его спросите! Он вам объяснит... какой газ нужен для того, чтобы задавить Ленинград!

Ева. Знаем, знаем... (Показывает крест из пальцев.) Черный... (Плачет.)

Дараган оглядывается беспокойно, что-то обдумывает, идет к окнам. Походка его больная. Долго смотрит, потом схватывается за голову.

Адам (беспокойно). Дараган, Дараган, перестань...

Дараган (кричит негромко). Самолет мне! Эй, товарищи! Эй, самолет командиру! (Шарит в карманах, вынимает маленькую бонбоньерку, показывает Ефросимову.) Видал? Видал? Ах, они полагали, что советские как в поле суслики? Ах, мол, в лаптях мы? Лыком шиты? Два миллиона? Заводы? Дети? Видал? Видал крестик? Сказано - без приказа Реввоенсовета не бросать? Я отдаю приказ - развинчивай, кидай!

Адам. Куда? Куда? Куда?

Дараган. Я прямо! Прямо! Раз - в два счета, куда нужно. Я адрес знаю! Куда посылку отвезти.

Ева. Адам, Адам, держи его...

Дараган (прячет бонбоньерку, слабеет, садится, говорит строго). Почему город горит?

Адам. Трамваи еще час ходили, давили друг друга, и автомобили с мертвыми шоферами. Бензин горел!

Дараган. Как вы уцелели?

Адам. Профессор просветил нас лучом, после которого организм не всасывает никакого газа.

Дараган (приподнимаясь). Государственный изменник!

Ева. Что вы, что вы, Дараган!

Дараган. Дай-ка револьвер!

Адам. Не дам.

Дараган. Что? (Пошарив, снимает с внешнего костюма бомбу с рукоятью.) К ответу, к ответу профессора Ефросимова! Я в тот вечер догадался, что он изобрел! И вот: сколько бы людей ни осталось в Ленинграде, вы двое будете свидетелями того, как профессор Ефросимов отвечал Дарагану! Кажись, он злодей!

Ефросимов (шевелинувшись). Что такое?

Дараган. Не сближайтесь! Сейчас узнаем. Но если что неладное узнаю, вы выходите из магазина! Почему ваш аппарат не был сдан вовремя государству?

Ефросимов (вяло). Не понимаю вопроса. Что значит - вовремя?

Дараган. Отвечать!

Ева. Адам! Адам? Да что же ты смотришь? Профессор, что же вы молчите?

Адам. Я запрещаю! Приказываю положить бомбу.

Дараган. Кто ты таков, чтоб запрещать мне?

Адам. Я - первый человек, уцелевший в Ленинграде, партиец Адам Красовский - принял на себя власть в Ленинграде, и дело это я уже разобрал. Запрещаю нападать на Ефросимова! А вы, профессор, скажите ему, чтобы его успокоить.

Ефросимов. Он меня... Как это... испугал...

Ева. Вы испугали его.

Ефросимов. Открытие я сделал первого мая и узнал, что я вывел из строя все отравляющие вещества – их можно было сдавать в сарай. Животная клетка не только не поглощала после просвечивания никакого отравляющего вещества, но более того – если даже организм был отравлен, живое существо еще можно было спасти, если только оно не умерло. Тогда я понял, что не будет газовой войны. Я просветил себя. Но только пятнадцатого утром мастер принес мне коробку, куда я вмонтировал раствор перманганата в стеклах и поляризованный луч. Я вышел на улицу и к вечеру был у Адама. А через час после моего прихода был отравлен Ленинград.

Дараган. Но вы хотели этот луч отдать за границу?

Ефросимов. Я могу хотеть все, что я хочу.

Дараган (ложась). Послушай, Адам, что говорит специалист. Я ослабел. Меня пронизывает дрожь... А между тем я должен встать и лететь... Но оперение мое, оперение мое! Цело ли оно? Кости мои разломаны! Но внутри я уже больше не горю. Но как же, как же так? Мы же встретили их эскадрилью над Кронштадтом и разнесли ее...

Адам (наклоняясь к Дарагану). Дараган, это были не те. Те прошли в стратосфере, выше.

Дараган. Ну, ладно... Я полечу... Я полечу.

Ефросимов. Вы никуда не полетите, истребитель! Да и незачем вам лететь!.. Все кончено...

Дараган. Чем кончено?! Я хочу знать, чем это кончено! И знаю, чем это кончится. Молчите!

Ефросимов. Не только лететь, но вам нельзя даже сидеть... Вы будете лежать, истребитель, долго, если не хотите погибнуть.

Дараган. Возле меня никогда не было женщины, я хотел бы лежать в чистой постели и чтобы чай с лимоном стоял на стуле. Я болен!.. А отлежавшись, я поднимусь на шесть тысяч, под самый потолок, и на закате... (Адаму.) Москва?

Адам. Москва молчит!

Ева. И мы слышим только обрывки музыки и несвязные слова на разных языках! Воют во всех странах. Между собой.

Адам. На рассвете мы сделали пятьдесят километров на машине и видели только трупы и осколки стеклянной бомбы, а Ефросимов говорит, что в ней бациллы чумы.

Дараган. Здорово! Но больше слушать не хочу. Ничего не говорите мне больше! (Пауза. Указывая на Адама.) Пусть он распоряжается, и я подчиняюсь ему.

Адам. Ева, помоги мне поднять его.

Поднимают Дарагана. Ева подхватывает узел.

Дараган. Куда?

Адам. В леса. За бензином.

Дараган. И за самолетом!

Адам. Ну, ладно, едем. Может быть, попробуемся на аэродром. Потом вернемся сюда, чтобы взять мелочь. И вон! А то мы вовсе не вывернемся!..

Уходят.

Долгая пауза. Слышно, как застучала машина и ушла. Через некоторое время в магазин вбегает Пончик-Непобеда. Пиджак на нем разорван. Он в грязи.

Пончик (в безумии). Самое главное – сохранить ум и не думать и не ломать голову над тем, почему я остался жить один. Господи! Господи! (Крестится.) Прости меня за то, что я сотрудничал в "Безбожнике". Прости, дорогой Господи! Перед людьми я мог бы отпереться, так как подписывался псевдонимом, но тебе не совру – это был именно я! Я сотрудничал в "Безбожнике" по легкомыслию. Скажу тебе одному, Господи, что я верующий человек до мозга костей и ненавижу коммунизм. И даю тебе обещание перед лицом мертвых, если ты научишь меня, как уйти из города и сохранить жизнь, – я... (Вынимает рукопись.) Мать Божия, но на колхозы ты не в претензии?.. Ну что особенного? Ну, мужики были порознь, ну, а теперь будут вместе. Какая разница, Господи? Не пропадут они, окаянные! Воззри, о Господи, на погибающего раба твоего Пончика-Непобеду, спаси его! Я православный, Господи, и дед мой служил в консистории. (Поднимается с колен.) Что ж это со мной? Я, кажется, свихнулся со страху, признаюсь в этом. (Вскрикивает.) Не сводите меня с ума! Чего я ищу? Хоть бы один человек, который научил бы...

Слышен слабый дальний крик Маркизова: "Помогите!.."

Не может быть! Это мерещится мне! Нет живых в Ленинграде!

Маркизов вползает в магазин. За спиной у него котомка, одна нога обнажена, и видно, что ступня покрыта язвами.

Маркизов. Вот, дотащился... Здесь и помру... Мне больно! Я обливаюсь слезами, а помочь мне некому, гниет нога! Всех убили сразу, а меня с мучениями. А за что? Ну и буду кричать, как несчастный узник, пока не изойду криком. (Кричит слабо.) Помогите!

Пончик. Человек! Живой! Дошла моя молитва! (Бросается к Маркизову, обнимает его.) Да вы Маркизов?!

Маркизов. Я, я – Маркизов! Вот видите, гражданин, погибаю! (Обнимает Пончика и плачет.)

Пончик. Нет, стало быть, я не сумасшедший. Я узнал вас! А вы меня?

Маркизов. Вы кто же будете?

Пончик. Да как же вы не узнаете меня, боже ты мой! Узнайте, умоляю! Мне станет легче...

Маркизов. Я почему-то вижу плохо, гражданин.

Пончик. Я – Пончик-Непобеда, известнейший литератор! Припомните, о боже, ведь я же с вами жил в одном доме! Я вас хорошо помню, вас из профсоюза выкинули за хулиган... Ну, словом, вы – Маркизов!

Маркизов. За что меня выгнали из профсоюза? За что? За то, что я побил бюрократа? Но а как же, гадину, не бить? Кто его накажет, кроме меня?.. За то, что пью? Но как же пекарю не пить. Все пили: и дед, и прадед. За то, что книжки читал, может быть? А кто пекаря научит, если он сам не будет читать? Ну, ничего. Потерпите. Сам изгонюсь. Вот уж застигает вас, гражданин, туманом, и скоро я отойду...

Пончик. Теперь уже о другом прошу: сохранить жизнь гражданину Маркизову. Не за себя молюсь, за другого.

Маркизов. Гляньте в окно, гражданин, и вы увидите, что ни малейшего бога нет.

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Тут дело верное.

Пончик. Ну кто же, как не грозный бог, покарал грешную землю!

Маркизов (слабо). Нет, это газ пустили и задавили СССР за коммунизм... Не вижу больше ничего... О, как это жестоко – появиться и исчезнуть опять!

Пончик. Встаньте, встаньте, дорогой!

Ефросимов появляется с узлом и сумкой. При виде Пончика и Маркизова остолбеневаает. Пончик, увидя Ефросимова, от радости плачет.

Ефросимов. Откуда вы, люди? Как вы оказались в Ленинграде?

Пончик. Профессор... Ефросимов?..

Ефросимов (Пончику). Позвольте, вы были вечером у Адама... Это вы писали про колхозниц?

Пончик. Ну да. Я! Я! Я – Пончик-непобеда.

Ефросимов (наклоняясь к Маркизову). А этот? Что с ним? Это он, напавший на меня!.. Значит, вы были в момент катастрофы в Ленинграде, как же вы уцелели?!

Маркизов (глухо). Я побежал по улице, а потом в подвале сидел, питался судаком, а теперь помираю.

Ефросимов. А... стукнула дверь! Вспоминаю... (Пончику.) Отвечайте, когда я снимал Еву и Адама, вы показались в комнате?

Пончик. Да, вы меня ослепили!

Ефросимов. Так, ясно. (Маркизову.) Но вы, вы – непонятно... Как на вас мог упасть луч? Вас же не было в комнате?

Маркизов (слабо). Луч? А? Я на окно влез.

Ефросимов. А-а-а... Вот, вот какая судьба... (Зажигает луч в аппарате, освещает Маркизова. Тот шевелится, открывает глаза, садится.) Вы видите меня?

Маркизов. Теперь вижу.

Ефросимов. А нога?

Маркизов. Легче. О... дышать могу...

Ефросимов. Ага. Вы видите теперь... Вы назвали меня буржум. Но я не буржуа, о нет! И это не фотографический аппарат. Я не фотограф, и я не алкоголик!!

В громкоговорителе слышна музыка.

Маркизов. Вы, гражданин, – ученый. Какой же вы алкоголик! Позвольте, я вам руку поцелую... И вам скажу стихи... Как будто градом ударил газ... Над Ленинградом, но ученый меня спас... Руку давайте!

Ефросимов. Подите вы к черту!! Я ничего не пью. Я только курю...

Маркизов. Ай, злой вы какой... Папиросу? Курите на здоровье, пожалуйста...

Ефросимов (истерически). Какое право вы имеете называть меня алкоголиком? Как вы осмелились тыкать мне кулаком в лицо?! Я всю жизнь просидел в лаборатории и даже не был женат, а вы, наверное, уже три раза... Вы сами алкоголик! Утверждаю это при всех и вызываю вас на суд. Я на вас в суд подам!!

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Пончик. Профессор, что вы?!

Маркизов. Гражданин, милейший человек, успокойся! Какое там три раза! Меня по судам затаскали, ну, заездили буквально. Ах, великий человек! Дышу я... Хлебните...

Ефросимов. Я не пью.

Маркизов. Как можно не пить. Вы помрете от нервов.

Музыка в громкоговорителе прекращается.

Я ж понимаю... Я сам в трамвай вскочил... А кондукторша мертвая. А я ей гривенник сую... (Вливает в рот Ефросимову водку.)

Ефросимов. Вы дышите свободно?

Маркизов. Свободно. (Дышит.) Совсем свободно. А верите ли, я хотел зарезаться...

Ефросимов. У вас гангрена.

Маркизов. Как ей не быть! Еще бы! Вижу – гангрена. Ну, до свадьбы заживет.

Ефросимов. Гангрена – поймите! Кто отрежет вам ногу теперь? Ведь это мне придется делать. Но я же не врач!

Маркизов. Вам доверяю... Режьте!

Ефросимов. Глупец! Нужно было обеими ногами на подоконник становиться! Луч не попал на ступню...

Маркизов. Именно то же самое я говорю... Но серость! Серость! Я одной ногой... Ну, пес с ней, с ногой! (Декламирует.) Великий человек, тебя прославит век!..

Ефросимов. Прошу без выкриков... Держите себя в руках, а то вы свихнетесь. Берите пример с меня...

Пончик (внезапно в исступлении). Я требую, чтобы вы светили на меня! Почему же меня забыли?

Ефросимов. Да вы с ума сошли! Вы просвечены уже, бесноватый! Владейте собой... Да не хватайте аппарат!

Маркизов. Да не хватай аппарат, черт! Сломаешь!

Пончик. Да объясните мне хоть, что это за чудо?!

Ефросимов. Ах, никакого чуда нет. Перманганат и луч поляризованный...

Маркизов. Понятно, перманганат... А ты не хватай за аппарат! Не трогай, чего не понимаешь. Ах, дышу, дышу...

Ефросимов. Да не смотрите так на меня! У вас обоих истеричные глаза. И тошно, и страшно! Бумаги и карандаш, а то я забуду, что нужно взять еще здесь, в магазине. Что это у вас в кармане?

Пончик. Рукопись моего романа.

Ефросимов. Ах, не надо... К чертям вашего Аполлона Акимовича.

Маркизов. Нет бумаги. Давай! (Берет у Пончика рукопись.)

Ефросимов. Пишите. Эти, ах, господи... ими рубят лес!

Пончик. Топоры?

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Маркизов. Топоры!..

Ефросимов. Топоры. Лекарства... Берите все, все, что попадет под руку, все, что нужно для жизни...

Послышался шум грузовика.

Вот они! Подъехали! (Выбегает в окно, кричит.) Ева! Адам! Я нашел еще двух живых!

В ответ слышен глухой крик Адама.

Да, двое живых! Вот они! (Выбегает.)

Пончик (цепляясь за него). Мы – вот они! (Выбегает за Ефросимовым.)

Маркизов. Мы – вот они! (Хочет бежать, но не может.) И на меня, и на меня посмотрите! Я тоже живой! Я живой! Ах нет, отбегал ты свое. Маркизов, и более не побежишь... (Кричит.) Меня ж не бросьте, не бросьте меня! Ну, подожду!

Бесшумно обрушивается целый квартал в окне, и показывается вторая колоннада и еще какие-то кони в странном освещении.

Граждане, поглядите в окно!!

Занавес

Акт третий

Внутренность большого шатра на опушке векового леса. Шатер наполнен разнообразными предметами: тут и обрубки дерева, на которых сидят, стол, радиоприемник, посуда, гармоника, пулемет и почему-то дворцовое богатое кресло. Шатер сделан из чего попало: брезент, парча, шелковые ткани, клеенка. Бок шатра откинут, и видна пылающая за лесом радуга.

Маркизов, с костылем, в синем пенсне, сидит в дворцовом кресле с обожженной и разорванной книгой в руках.

Маркизов (читает). "...Нехорошо быть человеку одному: сотворим ему помощника, соответственного ему..." Теория верная, да где же его взять? Дальше дырка. (Читает.) "...И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились..." Прожгли книжку на самом интересном месте... (Читает.) "...Змей был хитрее всех зверей полевых..." И точка. А дальше страницы выдраны.

Входит Пончик-Непобеда. Он, как и Маркизов, оброс бородой, оборван, мокрый после дождя, сбрасывает с плеча охотничье ружье, швыряет в угол убитую птицу.

Про тебя сказано: "Змей был хитрее всех зверей полевых..."

Пончик. Какой змей? Ну тебя к черту! Обед готов?

Маркизов. Через полчаса, ваше сиятельство.

Пончик. Ну-ка, давай по одной рюмочке и закусим...

Маркизов. Да Адам, понимаешь ли, все запасы спирта проверяет...

Пончик. Э-ге-ге. Это уж он зря нос сует не в свое дело! Тут каждый сам себе Адам по своему отделу. А тебе удивляюсь – не давай садиться себе на шею. Ты

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
заведующий продовольствием? Ты! Стало быть, можешь полновластно распоряжаться. Я привык выпивать перед обедом по рюмке и работаю не меньше, если не больше других... Адамов!

Маркизов. Верно, правильно, гражданин Змей! (Снимает пенсне.)

Выпивают, закусывают.

Пончик (неожиданно). Постой... (Подбегает к радиоприемнику, зажигает лампы, крутит кнопки.)

Маркизов. Да нету, нету – я целое утро слушаю. Пусто, брат Змей!

Пончик. Ты брось эту моду меня змеем называть.

Выпивают.

Маркизов. Я без чтения – должен заметить – скучаю... И как же это я "Графа Монте-Кристо" посеял, ах ты, господи! Вот подобрал в подвале... Только всего и осталось от книжки. Да... При этом про наших пишут: про Адама и Еву.

Пончик (заглянув в книжку). Чушь какая-нибудь мистическая!

Маркизов. Скучно в пустом мире!

Пончик. Я с радостью замечаю, что ты резко изменился после гибели. И все-таки, что бы ни говорили, я приписываю это своему влиянию. Литература – это великое дело!

Маркизов. Я из-за ноги изменился. Стал хромой, драться не могу и из-за этого много читаю, что попадет под руку. Но вот, кроме этой разорванной книги, ничего не попало...

Пончик. Так давай еще раз прочитаем мой роман!

Маркизов. Читали уже два раза...

Пончик. И еще раз послушай. Уши у тебя не отвалятся! (Достает рукопись, читает.) "...Глава первая. Там, где некогда тощую землю бороздили землистые, истощенные..." Я, видишь ли, поправляю постепенно. Вставил слово "истощенные". Звучит?

Маркизов. Почему ж не звучит... Звучит!

Пончик. Да-с... "...истощенные лица крестьян князя Волконского..." После долгого размышления я заменил князя Барятинского – князем Волконским... Замечай!

Маркизов. Я заметил.

Пончик. Учись!.. "...Волконского, ныне показались свежие щечки колхозниц... – Эх, Ваня, Ваня! – зазвенело на меже..."

Маркизов. Стоп! Станция! Вот ты, я понимаю, человек большой. Пишешь ты здорово, у тебя гений. Объясни ты мне, отчего литература всегда такая скучная?

Пончик. Дурак ты, вот что я тебе скажу!

Маркизов. За печатное я не скажу. Печатное всегда тянет почитать, а когда литература... "Эх, Ваня, Ваня", и более ничего. Межа да колхоз!

Пончик. Господи! Какая чушь в голове у этого человека, сколько его ни учи! Значит, по-твоему, литература только писаная – да? И почему всегда межа да колхоз? Много ты читал?

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Маркизов. Я массу читал.

Пончик. Когда хулиганил в Ленинграде? То-то тебя из союза выперли за чрезмерное чтение...

Маркизов. Что ты меня все время стараешься ткнуть? Правильно про тебя сказано в книге: "полевой змей"! А про меня было так напечатано (вспоминает): "Умерло, граф, мое прошлое".

Пончик. Ох, до чего верно сказал покойный Аполлон Акимович на диспуте: не мечите вы, товарищи, бисера перед свиньями! Историческая фраза! (Швыряет рукопись. Выпивает.)

Пауза.

Маркизов. Она не любит его.

Пончик. Кто кого?

Маркизов (таинственно). Ева Адама не любит.

Пончик. А тебе какое дело?

Маркизов. И я предвижу, что она полюбит меня.

Пончик. Что такое?

Маркизов (шепчет). Она не любит Адама. Я проходил ночью мимо их шатра и слышал, как она плакала.

Пончик (шепотом). Шатаешься по ночам?

Маркизов. И Дарагана не любит, и тебя не любит, а великий Ефросимов... Ну, так он великий, при чем он тут? Стало быть, мое счастье придет...

Пончик. Однако... Вот что... Слушай: я тогда на пожаре в банк завернул в Ленинграде – там у меня текущий счет – и вынул из своего сейфа. (Вынимает пачку.) Это – доллары. Тысячу долларов тебе даю, чтобы ты отвалился от этого дела.

Маркизов. На кой шут мне доллары.

Пончик. Не верь ни Адаму, ни Дарагану, когда они будут говорить, что валюта теперь ничего не будет стоить на земном шаре. Советский рубль – я тебе скажу по секрету – ни черта не будет стоить... Не беспокойся, там (указывает вдаль) народ остался... А если хоть два человека останутся, доллары будут стоить до скончания живота. Видишь, какой старец напечатан на бумажке? Это вечный старец! С долларами, когда Дараган установит сообщение с остальным миром, ты на такой женщине женишься, что все рты расстегнут... Это тебе не Аня-покойница... А возле Евы нет тебе места, хромой черт! На свете существуют только две силы: доллары и литература.

Маркизов. Оттесняют меня отовсюду, калеку! Гением меня забиваешь! (Прячет доллары, играет на гармонике вальс. Потом бросает гармонику.) Читай дальше роман!

Пончик. То-то. (Читает.) "...свежие щечки колхозниц. – Эх, Ваня, Ваня..."

Ева (внезапно появившись). Зазвенело на меже! Заколдованное место! Но неужели, друзья, вы можете читать в такой час? Как же у вас не замирает сердце?

Слышно, как взревел аэропланный мотор вдали на поляне.

Слышите?

Мотор умолкает.

(Ева подходит к радио, зажигает лампы, вертит кнопки, слушает.) Ничего, ничего!

Маркизов. Ничего нет, я с утра дежурю! (Достает букет.) Вот я тебе цветов набрал, Ева.

Ева. Довольно, Маркизыч, у меня весь шатер полон букетами. Я не успеваю их ни поливать, ни выбрасывать.

Пончик. Сушая правда! И этот букет, во-первых, на конский хвост похож, а во-вторых, нечего травой загромождать шатер... (Берет букет из рук Маркизова и выбрасывает. Говорит тихо.) Это жульничество... Деньги взял? Аморальный субъект...

Ева. Что там такое?

Маркизов. Ничего, ничего, я молчу. Я человек купленный.

Ева. Ну вас к черту, ей-богу, обоих! Вы с вашими фокусами в последнее время мне так наскучили! Обед готов?

Маркизов. Сейчас суп посмотрю.

Пончик. Кок! Посмотри суп, все голодны.

Ева. Если ты хочешь помочь человеку, который желает учиться, то не сбивай его. Повар – не кок, а кук.

Пончик. Разные бывают произношения.

Ева. Не ври.

Маркизов. Повар – кук? Запишу. (Записывает.) На каком языке?

Ева. По-английски.

Маркизов. Так. Сейчас. (Уходит.)

Пончик. Ева, мне нужно с тобой поговорить.

Ева. Мне не хотелось бы...

Пончик. Нет, ты выслушай!

Ева. Ну.

Пончик. Кто говорит с тобой в глуши лесов? Кто? До катастрофы я был не последним человеком в советской литературе. А теперь, если Москва погибла так же, как и северная столица, я единственный! Кто знает, может быть, судьба меня избрала для того, чтобы сохранить в памяти и записать для грядущих поколений историю гибели! Ты слушаешь?

Ева. Я слушаю с интересом. Я думала, что ты будешь объясняться в любви, а это – с интересом!

Пончик (тихо). Я знаю твою тайну.

Ева. Какую такую тайну?..

Пончик. Ты несчастлива с Адамом.

Ева. С какой стороны это тебя касается? А кроме того, откуда ты это знаешь?

Пончик. Я очень часто не сплю. И знаешь – почему? Я думаю. Ну вот. Я слышал

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
однажды ночью тихий женский плач. Кто может плакать здесь, в проклятом лесу?
Здесь нет никакой женщины, кроме тебя!..

Ева. К сожалению, к сожалению!

Пончик. О чем может плакать эта единственная, нежная женщина, о моя Ева?

Ева. Хочу видеть живой город! Где люди?

Пончик. Она страдает. Она не любит Адама! (Делает попытку обнять Еву.)

Ева (вяло). Пошел вон.

Пончик. Не понимаю тебя?..

Ева. Пошел вон.

Пончик. И что они там с этим аэропланом застряли? (Выходит.)

Ева (берет наушники, слушает). Нет, нет!..

Маркизов (входя). Сейчас будет готов. А где Пончик?

Ева. Я его выгнала.

Маркизов. Скажи, пожалуйста... У меня дельце есть. Серьезнейшая новость.

Ева. Я знаю все здешние новости.

Маркизов. Нет, не знаешь. Секрет. (Тихо.) Я тебе скажу, что я человек богатый.

Ева. Я понимаю, если б от жары вы с ума сошли, но ведь дождь был. А! От тебя водкой пахнет!

Маркизов. Какой там водкой?.. Валерианку я пил потому что у меня боли возобновились. Слушай. Деньги будут стоять. Ты не верь ни Адаму, ни Дарагану. Пока два человека останутся на земле. И то торговать будут. Тут уж не поспоришь... Теория! Между тем я вычитал в одном произведении, неизвестном совершенно, что только два человека и были на земле – Адам и Ева. И очень любили друг друга. Дальше что было – неясно, потому что книжка разодрана. Понимаешь?

Ева. Ничего не понимаю.

Маркизов. погоди. Но эта теория здесь не подходит. Потому что Адама своего ты не любишь. И тебе нужен другой Адам. Посторонний. Не ори на меня. Ты думаешь, я с гадостью? Нет. Я человек таинственный и крайне богатый. К ногам твоим кладу тысячу долларов. Спрячь.

Ева. Захар, где ты взял доллары?

Маркизов. Накопил за прежнюю мою жизнь.

Ева. Захар, где ты взял доллары? Ты спер доллары в Ленинграде? Берегись, чтобы Адам не узнал! Имей в виду, что ты мародер! Захар, ах, Захар!

Маркизов. Вот убейте, я не пер их.

Ева. А-а! Ну, тогда Пончик дал. Пончик?

Маркизов. Пончик-непобеда.

Ева. За что?

Пауза.

Ну?!.

Маркизов. Чтобы я от тебя отвалился.

Ева. А ты мне их принес. Трогательные комбинаторы. Ну, послушай же: ты понимаешь, что вы женщину замучили? Я сплю, и каждую ночь я вижу один любимый сон: черный конь, и непременно с черной гривой, уносит меня из этих лесов! О, несчастная судьба! Почему спаслась только одна женщина? Почему бедная Аня не подвернулась под луч? А? Ты бы женился на ней и был счастлив!..

Маркизов всхлипывает неожиданно.

Ева. Чего ты? Чего ты? Маркизыч, перестань!

Маркизов. Аньку задушили!

Ева. Ну, забудь, забудь, Захар! Не смей напоминать мне, а то я тоже расплачусь, ну, что же это будет? Довольно!

Пауза.

Конь уносит меня, и я не одна...

Маркизов. А с кем же?

Ева. Нет, нет, я пошутила... Забудь. Во всяком случае, Маркизов, ты неплохой человек, и давай заключим договор – ты не будешь более меня преследовать? Неужели ты хочешь, чтобы я умерла в лесах?

Маркизов. О нет, Ева, что ты, что ты!..

Ева. Да, кстати: Захар, зачем ты надеваешь ужаснейшее синее пенсне?

Маркизов. У меня зрение слабое, и я, кроме того, не хуже других ученых.

Ева. Все вранье насчет зрения. Пойми, что ты делаешься похож не на ученого, а на какого-то жулика. Даю добрый совет – выброси его.

Маркизов. Добрый?

Ева. Добрый.

Маркизов. На. (Подает пенсне.)

Ева выбрасывает пенсне. Опять послышался мотор.

Ева. Руки даже холодеют... Захар! На тебе цветок в память великого дня! Хочу людей! Итак, будем дружить?

Маркизов. Дружи! Дружи!..

Ева. Труби, труби, Захар. Пора!

Маркизов (берет трубу). Идут! Идут!

Входят Дараган и Адам. Адам отпустил бороду, резко изменился, кажется старше всех. Закопчен, сосредоточен.

А Дараган выбрит, сед, лицо навеки обезображено. За ними входит Пончик и вносит миску с супом.

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Ева. Ну, не томи! Говори! Готово?

Дараган. Да.

Ева (обняв его). Ох, страшно, Дараган!.. Александр Ипполитович! Где ты? Иди обедать!

Адам. Я полагаю, что по случаю высокого события всем можно выпить по рюмке водки – кроме Дарагана. Захар, как у нас запас спиртного?

Маркизов. Куда ж ему деваться? Минимум.

Ефросимов (за шатром). Захар Севастьянович! Что ты хочешь сказать – мало или много?

Маркизов. Это... много!

Ефросимов. Так тогда – максимум! (Выходит, вытирая руки полотенцем. Ефросимов в белой грязной рубашке, брюки разорваны. Выбрит.)

Ева. Садитесь.

Все садятся, пьют, едят.

Пончик. Право, недурен суп. На второе что?

Маркизов. Птица.

Ефросимов. Что меня терзает? Позвольте... Дээ... Водка? Да: минимум и максимум! Вообще тут лучше проще – много водки или мало водки. Проще надо. Но, во всяком случае, условимся навсегда: минимум – малая величина, а максимум – самая большая величина!

Маркизов. Путаю я их, чертей! Учи меня, дружок профессор. Дай, я тебе еще супу налью!

Пауза.

Два брата: минимум – маленький, худенький, беспартийный, под судом находится, а максимум – толстяк с рыжей бородой – дивизией командует!

Адам. Поздравляю, товарищи: с Захаром неладно!

Ефросимов. Нет, нет! Это хороший способ запомнить что-нибудь.

Адам. Внимание! Полдень, полдень. Объявляю заседание колонии открытым. Пончик-Непобеда, записывай... Вопрос об отлете Дарагана для того, чтобы узнать, что происходит в мире. Какие еще вопросы?

Ева. Руки, руки!..

Дараган. Товарищи, честное мое слово, я совершенно здоров.

Ева. Дараган, протяни руки!

Дараган. Товарищи, вы же не врачи, в конце концов! Ну, хорошо.

Протягивает руки, все смотрят.

Ева. Нет, не дрожат... Александр, посмотри внимательно – не дрожат?

Ефросимов. Они не дрожат... Он может лететь!

Пончик. Ура! Ура!

Ева. Дараган летит! Дараган летит!

Адам. Итак, он летит. Как поступишь ты, Дараган, в случае, если война еще продолжается?..

Дараган. Если война еще продолжается, я вступлю в бой с неприятельскими силами в первой же точке, где я их встречу.

Адам. Резонно! И возражений быть не может!

Дараган. А ты что же, профессор, молчишь? А? Тебе не ясно, что СССР не может не победить? Ты знаешь по обрывкам радио, что война стала гражданской во всем мире, и все же тебе не ясно, на чьей стороне правда? Эх, профессор, ты вот молчишь, и на лице у тебя ничего не дрогнет, а я вот на расстоянии чувствую, что сидит чужой человек! Это как по-ученому – инстинкт? Ну, ладно... (Преображается. Надевает промасленный костюм, бинокль, маузер, пробует лампу на груди, тушит ее.) Профессор, ты пацифист! Эх, кабы я был образован так, как ты, чтобы понять, как с твоим острым умом, при огромном таланте, не чувствовать, где тебе быть надо... Впрочем, это лишнее сейчас. Вот и хочу в честь пацифизма сделать мирную демонстрацию. Покажу же тихо и скромно, что республика вооружена достаточно, столько, сколько требуется... Города же советские, между прочим, тоже трогать нельзя. Ну, давай, профессор, аппарат.

Ефросимов. Пожалуйста. (Снимает, подает Дарагану изобретение.)

Дараган. И черные крестики из лаборатории.

Ефросимов. Ты не возьмешь бомб с газом, истребитель!

Дараган. Как же так – не возьму?

Ефросимов. Я уничтожил их.

Пауза.

Адам. Этого не может быть!..

Дараган. Странно шутишь, профессор!

Ефросимов. Да нет, нет... Я разложил газ... Смотри: пустые бонбоньерки... Я не шучу. (Бросает на стол блестящие шарики.)

Дараган. Что-о?! (Вынимает маузер.)

Пончик. Эй! Эй! Что? Что?..

Ева. Не смей!! Адам!

Дараган поднимает револьвер. Маркизов бьет костылем по револьверу и вцепляется в Дарагана.

Дараган (стреляет, и лампы в приемнике гаснут). Адам, ударь костылем хромого беса по голове! Захар! Убью!

Маркизов (пыхтя). Долго ли меня убить?

Пончик. Дараган! Ты в меня попадешь!

Ева (заслоня Ефросимова). Убивай сразу двух! (Вынимает браунинг, кричит.) Поберегись, стрелять буду!

Пауза.

Дараган. Что, что, что?..

Адам. Тебе дали револьвер, чтобы защищаться в случае, если ты встретишь опасного зверя, а ты становишься на сторону преступника?..

Ева. Убийство в колонии! На помощь! На помощь!

Дараган (Маркизову). Пусти, черт! Пусти! (Вырвавшись из объятий Маркизова.) Нет, нет, это не убийство! Адам, пиши ему приговор к расстрелу! Между нами враг!

Ефросимов. При столкновении в безумии люди задушили друг друга, а этот человек, пылающий мстостью, хочет еще на одну единицу уменьшить население земли. Может быть, кто-нибудь объяснит ему, что это нелепо?..

Дараган. Не прячь его, Ева! Он все равно не уйдет от наказания – минутой позже или раньше!

Ефросимов. Я не прячусь, но я хочу, чтобы меня судили, прежде чем убьют.

Дараган. Адам! Ты первый человек. Организуй суд над ним!

Адам. Да, да, я сейчас только осмыслил то, что он сделал... Он... Непобеда, Захар, за стол – судить изменника!!

Пончик. Товарищи, погодите, мне что-то нехорошо!..

Маркизов в волнении выпивает рюмку водки.

Адам. Товарищи! Слушайте все! Гниющий мир, мир отвратительного угнетения, напал на страну рабочих... Почему это случилось? Почему, ответьте мне! Ева, отойди от него, моя жена... Ах, жена, жена!

Ева. Я не отойду от Ефросимова, пока Дараган не спрячет револьвер.

Адам. Спрячь, Дараган, маузер пока, спрячь, друг мой!

Дараган прячет маузер.

Адам. Почему? Потому, что они знали, что страна трудящихся несет освобождение всему человечеству. Мы уже начали воздвигать светлые здания, мы шли вверх! Вот... вот близко... вершина... И они увидели, что из этих зданий глянула на них смерть! Тогда в один миг буквально был стерт с лица земли Ленинград! Да и, быть может, не он один!.. Два миллиона гниющих тел! И вот, когда Дараган, человек, отдавший все, что у него есть, на служение единственной правде, которая существует на свете, – нашей правде! – летит, чтобы биться с опасной гадиной, изменник, анархист, неграмотный политический мечтатель предательски уничтожает оружие защиты, которому нет цены! Да этому нет меры! Нет меры! Нет! Это – высшая мера!

Дараган. Нет, нет, Адам! Он не анархист и не мечтатель! Он – враг-фашист! Ты думаешь, это лицо? Нет, посмотри внимательно, это картон: я вижу отчетливо под маской фашистские знаки!

Ефросимов. Гнев темнит вам зрение. Я в равной мере равнодушен и к коммунизму и к фашизму. Кроме того, я спас вам жизнь при помощи того самого аппарата, который надет на вас.

Дараган. Ваш аппарат принадлежит СССР! И безразлично, кто спас меня! Я – живой, и, стало быть, защищаю Союз!

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Адам. Я, Адам, начинаю голосование. Кто за высшую меру наказания вредителю? (Поднимает руку.) Пончик, Маркизов, поднимайте руки!

Пончик. Товарищи! У меня сердечный припадок!

Ева. Адам! Прошу слова!

Адам. Лучше бы ты ничего не говорила! Ах, Ева! Я буду учить тебя.

Ева. Ты фантом.

Адам. Что такое? Что ты говоришь?

Ева. Привидение. Да и вы все такие. Я вот сижу и вдруг начинаю понимать, что лес и пение птиц и радуга – это реально, а вы с вашими исступленными криками – нереально.

Адам. Что это за бред? Что несешь?

Ева. Нет, не бред. Это вы мне все снится! Чудеса какие-то и мистика. Ведь вы же никто, ни один человек, не должны были быть в живых. Но вот явился великий колдун, вызвал вас с того света, и вот теперь вы с воем бросаетесь его убить...

Пауза.

Пончик. Это ужасно, товарищи! (Ефросимову.) Зачем вы уничтожили бонбоньерки?

Ева. Во всяком случае, я заявляю: тебе, мой муж, первый человек Адам, – и собранию, что Дараган-истребитель решил под предлогом этих бомб убить Ефросимова с целью уничтожить соперника. Да.

Молчание.

Адам. Да ты сошла с ума.

Ева. Нет, нет. Скажи-ка, истребитель, при всех, объяснялся ли ты мне в любви третьего дня?

Пончик встает, потрясенный, а Маркизов выпивает рюмку водки.

Дараган. Я протестую! Это не имеет отношения к ефросимовскому делу!

Ева. Нет. Имеет. Ты что ж, боишься повторить при всех то, что говорил мне? Значит, говорил что-то нехорошее?

Дараган. Я ничего не боюсь!

Ева. Итак: не говорил ли ты мне у реки так: любишь ли ты Адама, Ева?

Молчание.

Адам (глухо). Что ты ему ответила?

Ева. Я ответила ему, что это мое дело. А далее: кто шептал мне, что предлагает мне свое сердце навеки?

Адам. Что ты ему ответила?

Ева. Я не люблю тебя. А кто, хватая меня за кисть руки и выворачивая ее, спрашивал меня, не люблю ли я Ефросимова? Кто прошептал: "Ох этот Ефросимов!"

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Вот почему он стрелял в него! Искренно, искренно говорю при всех вас, (указывая на Ефросимова) прелестный он. Он – тихий. Всем я почему-то пришиваю пуговицы, а у него сваливаются штаны! И вообще меня замучили! Перестреляйте все друг друга. Самое лучшее – а вечером сегодня застрелюсь я. Ты, Адам, утром вчера спрашивал, не нравится ли мне Дараган, а ночью я хотела спать, а ты истязал меня вопросами, что я чувствую к Ефросимову... Сегодня ж днем этот черт Пончик-Непобеда...

Адам. Что сделал Пончик-Непобеда сегодня?

Ева. Он читал мне свой трижды проклятый роман, это – зазвенело на меже. Я не понимаю – землистые лица бороздили землю – мордой они, что ли, пахали? Я страдаю от этого романа! Замучили в лесу!

Пауза большая.

Ефросимов. Сейчас на океанах солнце, и возможно, что кое-где брюхом кверху плавают дредноуты. Но нигде не идет война. Это чувствуется по пению птиц. И более отравлять никого не нужно.

Маркизов. Петух со сломанной ногой – петух необыкновенного ума – не проявлял беспокойства и не смотрел в небо. Теория в том, что война кончилась.

Дараган. Кто поверил этой женщине, что я по личному поводу хотел убить Ефросимова?

Пауза.

Ефросимов. Никто.

Дараган. Аппарат, спасающий от газа, пять зажигательных бомб, пулемет – ну, и на том спасибо. Профессор! Когда восстановится жизнь в Союзе, ты получишь награду за это изобретение. (Указывает на аппарат.) О, какая голова! После этого ты пойдешь под суд за уничтожение бомб, и суд тебя расстреляет. Мы свидимся с тобой. Нас рассудят. (Смотрит на часы.) Час.

Адам. У кого есть текущие дела? Скорее. Коротко. Ему пора.

Маркизов. У меня есть заявление. (Вынимает бумагу, читает.) Прошу о переименовании моего имени Захар в Генрих.

Молчание.

Адам. Основание?

Маркизов. Не желаю жить в новом мире с неприличным названием – Захар.

Адам (в недоумении). Нет возражений! Переименовать.

Маркизов. Напиши здесь резолюцию.

Адам пишет. Маркизов прячет бумагу.

Дараган. Товарищи, до свидания. Через три часа я буду в Москве.

Ева. Мне страшно!

Дараган. Адам!

Пауза.

Если я буду жив, я ее более преследовать не стану. Я ее любил, она сказала правду. Но более не буду. А раз обещал, я сделаю. Забудешь?

Адам. Ты обещал – ты сделаешь. Забуду. (Обнимает Дарагана.)

Дараган (смотрит на приемник). По радио, стало быть, известий не получите.

Пончик. Вот она, стрельба!..

Дараган. Ждите меня или известий от меня каждые сутки, самое позднее через двадцать дней, первого августа. Но все дни на аэродроме зажигайте костер с высоким дымом, а первого, ну, скажем, еще второго, третьего августа ночью – громадные костры. Но если третьего августа меня не будет, никто пусть более ни меня, ни известий от меня не ждет! Слушай пулеметную очередь, слушай трубу, смотри поворот Иммельмана! (Выбегает.)

За ним – Адам и Пончик-Непобеда.

Ефросимов. Ева! Ева!

Ева. Саша!

Ефросимов. Уйду от них сегодня же!..

Ева. Повтори. Ты уйдешь? Ничего не боишься здесь забыть? Нет, ты не уйдешь. Или уходи к черту! (Выходит.)

Выходит и Ефросимов.

Маркизов (один). Вот оно что. (Пауза.) Снабдил черт валютой. (Пауза.) Генрих Маркизов. Звучит.

Загудел мотор на земле. Послышался трубный сигнал.

Полетел! Полетел! (Смотрит.) А, пошел! Застучал пулемет наверху. Так его, давай Москву, давай... (Схватывает гармонику.) Что делаешь? На хвосте танцует, на хвост не вались, ссыпешься, чемпион! Поворот Иммельмана! Нет, ровно пошел!

Зашипела и ударила одна ракета с аэродрома, потом другая.

Пошел, пошел, пошел. (Играет на гармонике марш.) Эх, Ваня, Ваня! – зазвенело на меже!..

Занавес

Акт четвертый

Ночь на десятое августа, перед рассветом. Вековые дубы. Бок шатра.

Костер у шатра. Костры вдали на поляне. По веревочной лестнице с дуба спускается, ковыляя, Маркизов. В руке у него фонарь.

Маркизов. Охо-хо... (Берет тетрадочку и пишет у костра.) "Тщетно дозорный Генрих вперял свои очи в тьму небес! Там ничего, кроме тьмы, он и не видел, да еще сычей на деревьях. Таким образом, надлежит признать, что храбрец погиб в мировых пространствах, а они были навеки заброшены в лесу!" (Складывает тетрадь.) Не могу более переносить лесной скуки и тоски. Всем надлежит уйти отсюда на простор

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
погубленного мира. (Заглядывает в шатер.) Эй, друг! Вставай, вставай!

Пончик (из шатра). Кто там? Что еще?

Маркизов. Это я, Генрих. Проснись!

Пончик (из шатра). Какой там, к бесу, Генрих? Я только что забылся, а тут эти Генрихи! (Выходит из шатра в одеяле, в котором проверчены дыры для рук.) Рано еще. Зачем нарушил мой покой?

Маркизов. Твоя очередь идти поддерживать огни.

Пончик. Я не хочу. (Пауза.) Да! не хочу. Десятую ночь колония не спит, страдает, жжет смолистые ветви. Искры фонтанами с четырех углов!..

Маркизов. Верно! А днем жирный дым...

Пончик. Все это – демагогия и диктатура. Какое сегодня число? Какое?

Маркизов. Собственно говоря, воскресенье, девятого августа.

Пончик. Врешь, врешь, сознательно врешь! Посмотри в небо!

Маркизов. Ну что ж. Белеет небо.

Пончик. Уж час, как идет десятое число. Довольно! Дараган сказал четко – если я не вернусь через три недели, значит, третьего августа, стало быть, я вовсе не вернусь. Сегодня же десятое августа!! Уж целую неделю мы по вине Адама терпим мучения!! Одна рубка чего стоит. Я больше не желаю!

Маркизов. Он заставит тебя. Он – главный человек.

Пончик. Нет! Хватит! Дудки! Не заставит. Утром, сегодня же потребую собрания и добьюсь решения о выходе колонии на простор. Посмотри, это что?

Маркизов. Ну что? Ну, паутина...

Пончик. Лес зарастает паутиною. Осень! Еще три недели, и начнет сеять дождь, потянет туманом, наступит холод. Как будем выбираться из чащи? А дальше? Куда? Нечего сказать, забрались в зеленый город на дачу! Адамкин бор! Чертова глушь!

Маркизов. Что ты говоришь, Павел? Ведь чума гналась за нами по пятам.

Пончик. Нужно было бежать на Запад, в Европу! Туда, где города и цивилизация, туда, где огни!

Маркизов. Какие ж тут огни! Все говорят, что там тоже горы трупов, моровая язва и бедствия...

Пончик. Ничего, решительно ничего не известно! (Пауза.) Это коммунистическое упрямство... Тупейшая уверенность в том, что СССР победит. Для меня нет сомнений в том, что Дараган и погиб-то из-за того, что в одиночку встретил неприятельские силы – европейские силы! – и, конечно, ввязался в бой! Фанатик! Вообще они – фанатики!

Маркизов. Это что – фанатики? Объясни, запишу.

Пончик. Отстань ты! Хе! Коммунизм коммунизмом, а честолюбие! Он Аса-Герра ссадил! Так теперь он чемпион мира. Где-то он валяется, наш чемпион... (Пауза.) Ах, как у меня болят нервы!

Маркизов. Выпьем коньячку!

Пончик. Ладно. Брр... Прохладно... Утро... утро. Безрадостный, суровый рассвет.

Пьют у костра коньяк.

Маркизов. Ну, как нервы?

Пончик. Нервы мои вот как. Все начисто ясно. Вот к чему привел коммунизм! Мы раздражили весь мир, то есть не мы, конечно, – интеллигенция, а они. Вот она, наша пропаганда, вот оно, уничтожение всех ценностей, которыми держалась цивилизация... Терпела Европа... Терпела-терпела, да потом вдруг как ахнула!.. Погибайте, скифы! И был Дараган – и нет Дарагана! И не предвидится... И Захар Маркизов, бывший член профсоюза, сидит теперь в лесу на суку, как дикая птица, как сын, и смотрит в небеса...

Маркизов. Я Генрих, а не Захар! Это постановлено с печатью, и я просил не называть меня Захаром.

Пончик. Чего ты бесишься? А, все равно... Ну, ладно, ладно. Глупая фантазия: Генрих, Генрих... Ну, ладно... Дошли до того, что при первом слове вгрызаются друг другу прямо в глотку!

Маркизов. Я равный всем человек, такой же, как и все! Нет теперь буржуев...

Пончик. Перестань сатанеть! Пей коньяк, Генрих IV! Слушай! Был СССР и перестал быть. Мертвое пространство загорожено, и написано: "чума. Вход воспрещается". Вот к чему привело столкновение с культурой. Ты думаешь, я хоть одну минуту верю тому, что что-нибудь случилось с Европой? Там, брат Генрих, электричество горит и по асфальту летают автомобили. А мы здесь, как собаки, у костра грызем кости и выйти боимся, потому что за реченькой – чума... Будь он проклят, коммунизм!

Маркизов. А кто это писал: "Ваня! Ваня! – зазвенело на меже"?.. Я думал, что ты за коммунизм...

Пончик. Молчи, ты не разбираешься в этих вопросах.

Маркизов. Верно, верно... Полевой змей! И как змей приютился ты у Адама за пазухой.

Пончик. Змей! Ты, серый дурак, не касайся изнасилованной души поэта!

Маркизов. Теперь все у меня в голове спуталось! Так за кого ж теперь – за коммунизм или против?

Пончик. Погиб он, слава тебе господи, твой коммунизм! И даже погибнув – оставил нам фантазера в жандармском мундире...

Маркизов. Про кого? Ты хоть объясняй... Кто это?

Пончик. Адам.

Пауза.

Издали послышались револьверные выстрелы. Пончик и Маркизов вскакивают.

Маркизов. Во! Ага!

Прислушиваются.

Пончик. Ат... Не волнуйся, это упражнение в стрельбе. Спиритический сеанс: прародитель в пустое небо стреляет, покойников сзывает. (Кричит.) Зови! Зови! Нет Дарагана! Это рассвет десятого! Довольно!..

Молчание.

Маркизов. Змей, а змей? Я от тоски роман написал.

Пончик. Читай!

Маркизов (достаёт тетрадку, читает). "Глава первая. Когда народ на земле погиб и остались только Адам и Ева, и Генрих остался и полюбил Еву. Очень крепко. И вот каждый день он ходил к петуху со сломанной ногой разговаривать о Еве, потому что не с кем было разговаривать..."

Пончик. Дальше.

Маркизов. Все. Первая глава вся вышла.

Пончик. Ну, а дальше что?

Маркизов. А дальше идет вторая глава.

Пончик. Читай!

Маркизов (читает). "Глава вторая. – Ева! Ева! – зазвенело на меже..."

Пончик. Что такое? Вычеркни это сейчас же!

Маркизов. Ты говоришь – учись!

Пончик. Учись, но не воруй! И притом какой это такой Генрих полюбил Еву? А тысяча долларов? (Прислушавшись.) Стой, стой!

Маркизов (вскакивая). Гудит, ей-богу, гудит в небе...

Пончик. Ничего не гудит! В голове у тебя гудит...

Маркизов. Кто идет?

Пончик. Кто идет?

В лесу светлеет.

Адам (издали). Кто у костра?

Маркизов. Это мы.

Адам (выходя). Что ж, товарищ Непобеда, ты не идешь сменить профессора? Пора.

Пончик. Я не пойду.

Адам. Скверный пример ты подаешь, Непобеда!

Пончик. Я не крепостной твой, первый человек Адам!

Адам. Я – главный человек в колонии и требую повиновения.

Пончик. Генрих! Ты здесь? Прислушайся. Когда главный человек начинает безумствовать, я имею право поднять вопрос о том, чтобы его не слушать! Ты утомляешь колонию зря!

Адам. В моем лице партия требует...

Пончик. Я не знаю, где ваша партия! Может, ее и на свете уже нет!

Адам (берется за револьвер). А-а! Если ты еще раз осмелишься повторить это...

Пончик (спрятавшись за дерево). Генрих! Ты слышишь, как мне угрожают? У самого револьвер найдется! Не желаю больше терпеть насилие!

Адам. Пончик! Ты сознательный человек, советский литератор! Не искушай меня, я устал! Иди поддерживать огонь!

Пончик (выходя из-за дерева). Я – советский литератор? Смотри! (Берет рукопись, рвет ее.) Вот вам землистые лица, вот пухлые щечки, вот князь Волконский-Барятинский! Смотрите все на Пончика-Непобеду, который был талантом, а написал подхалимский роман! (Маркизову.) Дарю тебе "зазвенело"! Пиши! Подчиняюсь грубой силе! (Уходит.)

Адам. Генрих, Генрих...

Маркизов. Ты б пошел заснул, а то ты вторую ночь ходишь!

Адам. Ты, может быть, поднимешься еще раз на дерево? А?

Маркизов. Я поднимусь. Я пойду на гору.

Адам. Как ты думаешь, Генрих, он прилетит?

Маркизов. Теоретически... может прилететь. (Уходит.)

Уходит и Адам.

В лесу светает. Через некоторое время показывается Ефросимов. Совершенно оборван и в копоты. Проходит в шатер. Сквозь полосатый шелк просвечивает лампа, которую он зажег. Пауза. Крадучись, выходит Ева. Она закутана в платок. В руках у нее котомка и плетенка.

Ева. Саша...

Отстегивается окно шатра, и в нем Ефросимов.

Ефросимов (протягивая руки). Ева! Не спишь!

Ева. Саша! потуши огонь. Совсем светло.

Ефросимов (потушив лампу). А ты не боишься, что Адам рассердится на тебя за то, что мы так часто бываем вдвоем?

Ева. Нет, я не боюсь, что Адам рассердится на меня за то, что мы так часто бываем вдвоем. Ты умывался сейчас или нет?

Ефросимов. Нет. В шатре нет воды.

Ева. Ну, дай же я хоть вытру тебе лицо... (Нежно вытирает его лицо.) Сашенька, Сашенька! До чего же ты обносился и почернел в лесах!..

Пауза.

О чем думал ночью? Говори!

Ефросимов. Смотрел на искры и отчетливо видел Жака. Думал же я о том, что я самый несчастливый из всех уцелевших. Никто ничего не потерял, разве что Маркизов ногу, а я нищий. Душа моя, Ева, смята, потому что я видел все это. Но хуже всего – это потеря Жака.

Ева. Милый Саша! Возможно ли это, естественно ли – так привязаться к собаке? Ведь это же обидно!

Тихо появляется Адам. Увидев разговаривающих, вздрагивает, затем садится на пеню и слушает их. Разговаривающим он не виден.

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ну, издохла собака, ну что ж поделаешь! А тут в сумрачном лесу женщина, и какая женщина, – возможно, что и единственная – то во всем мире, – вместо того, чтобы спать, приходит к его окну и смотрит в глаза, а он не находит ничего лучше, как вспомнить дохлого пса! О, горе мне, горе с этим человеком!

Ефросимов (внезапно обнимает Еву). Ева! Ева!

Ева. О, наконец-то, наконец-то он что-то сообразил!

Адам прикрывает глаза щитком ладони и покачивает головой.

Ева. Разве я хуже Жака? Человек влезает в окно и сразу ослепляет меня свечками, которые у него в глазах! И вот я уже знаю и обожаю формулу хлороформа, я, наконец, хочу стирать ему белье. Я ненавижу войну... Оказывается, мы совершенно одинаковы, у нас одна душа, разрезанная пополам, и я, подумайте, с оружием отстаивала его жизнь! О нет, это величайшая несправедливость – предпочесть мне бессловесного Жака!

Ефросимов. О Ева, я давно уже люблю тебя!

Ева. Так зачем же ты молчал? Зачем?

Ефросимов. Я сам ничего не понимал! Или, быть может, я не умею жить. Адам?... Да, Адам!.. Он тяготит меня?... Или мне жаль его?..

Ева. Ты гений, но ты тупой гений! Я не люблю Адама. Зачем я вышла за него замуж? Зарежьте, я не понимаю. Впрочем, тогда он мне нравился... И вдруг катастрофа, и я вижу, что мой муж с каменными челюстями, воинственный и организующий. Я слышу – война, газ, чума, человечество, построим здесь города... Мы найдем человеческий материал! А я не хочу никакого человеческого материала, я хочу просто людей, а больше всего одного человека. А затем домик в Швейцарии, и – будь прокляты идеи, войны, классы, стачки... Я люблю тебя и обожаю химию...

Ефросимов. Ты моя жена! Сейчас я все скажу Адаму... А потом что?

Ева. Провизия в котомке, а в плетенке раненый петух. Я позаботилась, чтобы тебе было с кем нянчиться, чтоб ты не мучил меня своим Жаком!.. Через час мы будем у машин, и ты увезешь меня...

Ефросимов. Теперь свет пролился на мою довольно глупую голову, и я понимаю, что мне без тебя жить нельзя. Я обожаю тебя.

Ева. Я женщина Ева, но он не Адам мой. Адамом будешь ты! Мы будем жить в горах. (Целует его.)

Ефросимов. Иду искать Адама!..

Адам (выходя). Меня не надо искать, я здесь.

Ева. Подслушивать нельзя, Адам! Это мое твердое убеждение. У нас нет государственных тайн. Здесь происходит объяснение между мужчиной и женщиной. И никто не смеет слушать! Притом у тебя в руке револьвер и ты пугаешь. Уходи!

Ефросимов. Нет, нет, Ева... У нас то и дело вынимают револьверы и даже раз в меня стреляли. Так что это уже перестало действовать.

Ева. Уходи!

Адам. Я не подслушивал, я слушал, и как раз то, что вы мне сами хотели сообщить. Револьвер всегда со мной, а сейчас я стрелял в память погибшего летчика, который никогда больше не прилетит. Он не прилетит, и ваши мученья закончены. Ты говоришь, что у меня каменные челюсти? Э, какая чепуха. У всех людей одинаковые челюсти, но вы полагаете, что люди только вы, потому что он возится с петухом. Но, видите ли, у нас мысли несколько пошире, чем о петухе! Впрочем, это не важно для вас. Это важно для убитого Дарагана! И он, знайте, он герой! Ева, ты помнишь тот вечер, когда погибла и Аня, и Туллер, и другие? Вот до сих пор я носил в

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
кармане билеты в Зеленый Мыс, вагон седьмой... Тут важен не петух, а то, что, какие бы у меня ни были челюсти, меня бросает одинокого в мире жена... Что с этим можно поделаться? Ничего. Получай билеты в Зеленый Мыс и уходи! Ты свободна.

Ева (всхлипнув). Адам, мне очень жаль тебя, но я не люблю тебя. Прощай!..

Адам. Профессор! Ты взял мою жену, а имя я тебе свое дарю. Ты – Адам. Одна просьба: уходите сейчас же, мне неприятно будет, если сейчас придут Пончик и Маркизов. Но у машин подождите час. Я думаю, что они вас догонят. Уходите!

Ефросимов. Прощай!.. (Уходит с Евой.)

Адам берет трубу, трубит. Входят Маркизов и Пончик.

Адам. Товарищи! Объявляю вам, что по всем данным любимый мною горячо командир Дараган погиб. Но республика память о нем сохранит! Во всяком случае, вы свободны. Кто хочет, может уйти из лесу, если не боится чумы там. Кто хочет, может остаться со мною еще на некоторое время в этом городе... (Указывает на шатры.)

Пончик. Почему ты не объявишь об этом и Ефросимову?

Адам. Ефросимов со своею женой Евой – мы разошлись с ней – уже ушли. Они на волчьей тропе...

Пончик делает тревожное движение.

...Нет, нет, не беспокойся. У машин они подождут вас.

Пончик. Я иду за ними!.. (Берет котомку, ружье, спешит.)

Адам. А ты, Генрих?

Маркизов. Я?

Пончик. Генрих Хромой! Не давай ты себя обольщать глупостями! Ты что же это, в лесного зверя хочешь превратиться?

Маркизов. Идем с нами, Адам. Тебе нельзя оставаться одному в лесу.

Адам. Почему?

Маркизов. Сопьешься. А!.. не хочешь с Евой идти?

Пончик. Нет, он не хочет в сатанинской гордости признать себя побежденным! Он верит, что Дараган все-таки спустится к нему с неба. Ну, продолжай городить социалистические шалаши в лесах, пока не пойдет снег! Прощай! Генрих, идем!

Маркизов. Идем с нами!

Адам. Прощайте! Уходите!

Маркизов и Пончик уходят. Пауза.

Солнце. Обманывать себя совершенно не к чему. Ни огни, ни дым поддерживать больше не для кого. Но сейчас я не хочу ни о чем думать. Я ведь тоже человек и желаю спать, я желаю спать. (Скрывается в шатре.)

Пауза. Потом слышится, как гудит, подлетая, аэроплан, затем он стихает. Послышался грохот пулемета. Тогда из шатра выбегает Адам, он спотыкается, берется за сердце, не может бежать, садится... Послышался трубный сигнал и

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
дальние голоса. Затем выбегает Вирус. Она в летном костюме. Сбрасывает шлем.
Лицо ее обезображено одним шрамом.

Вирус. Adam! Efrossimoff! (Увидев Адама.) Buenos días! ¡Ole! ¡Ole![1]

Адам (хрипло). Не понимаю... Кто вы такая?..

Вирус. Escolta! (Указывая на небо.) Gobierno mundial. Soy aviador español!.. Ou est-ce que se trouve Adam?[2]

Слышен второй прилет. Адам берет за револьвер, отступает.

Вирус. Non, non! Je ne suis pas ennemie fasciste! Etes-vous Adam?[3]

Трубный сигнал.

Адам. Я - Адам. Я. Где Дараган? Ou est Daragane?[4]

Вирус. Daragane viendra, viendra![5]

В лесу солнце. Выбегает Тимонеда. Жмет руку Адаму, сбрасывает шлем, жадно пьет воду. И тогда появляется Дараган.

Адам (кричит). Дараган! (Берется за сердце.)

Еще прилет, еще трубный сигнал.

Дараган. Жив первый человек?

Адам (припадает головой к Дарагану). Дараган! Дараган!

Дараган. Я опоздал, потому что был в бою над Финистерре.

Зевальд (вбегая, кричит). Russen! Noch! (Спрашивает у Дарагана.) Ist das Professor Efrossimoff?[6]

Дараган. Nein, nein![7] Это - Адам!

Зевальд. Adam! Adam! (Жмет руку Адаму.)

Дараган. Где Ева? Где хромой?

Адам. Ты опоздал, и все не выдержали и ушли, а я остался один.

Дараган. И Ефросимов?

Адам. Ефросимов ушел с Евой. Она мне не жена. Я - один.

Дараган. По какой дороге?

Адам. По волчьей тропе, к машинам.

Дараган. Товарищ Павлов!..

Павлов. Я!

Дараган. Четыре путника на этой тропе! Вернуть их. Среди них Ефросимов!

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Павлов убегает.

Дараган (внезапно обнял Адама). Не горюй. Смотри, моя жена. Лежала и умирала, отравленная старуха, моя испанка, вся в язвах, далеко отсюда. (Вирус.) Мария! Обнимитесь. Это Адам.

Вирус. Abrazar?[8] (Обнимает Адама.)

Адам вдруг плачет, уткнувшись в плечо Вирус.

Дараган. Э... э... э...

Зевальд (подает Адаму воду). Э... э...

Адам (опускается на пень). Люди, люди... Подойди ко мне, Дараган... Москва, Дараган?

Дараган. Возвращаются. Идут с Урала таборами.

Адам. Сгорела?

Дараган. Выгорели только некоторые районы... от термитных бомб.

Адам. А задушили всех?

Зевальд. Nein, nein![9]

Дараган. Нет, там травили не солнечным газом, а обыкновенной смесью. Триста погибло.

Адам (покачивает головой). Так...

Тут вбегают Маркизов и Пончик.

Маркизов (возбужденно). Люди! Иностранцы! (Декламирует.) Настал великий час!

Дараган. Здорово, Генрих!

Пончик. Победа! Победа! Мы победили, Дараган!

Послышалось тяжелое гудение вдали.

Дараган. Ну, вот и он летит. (Кричит.) К аппаратам!

Зевальд. Zu den Apparaten![10] (Убегает.)

Убегает и Тимонеда.

Адам. О, Пончик-непобеда! Пончик-непобеда!

Пончик. Товарищ Адам! У меня был минутный приступ слабости! Малодушия! Я опьянен, я окрылен свиданием с людьми! Ах, зачем, зачем я уничтожил рукопись! Меня опять зовет Аполлон!..

Маркизов. Акимович?!.

Пончик. Молчи, хромой!

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Входят Ева и Ефросимов. Ева ведет Ефросимова под руку. У Ефросимова в руке плетенка с петухом. Останавливаются в тени.

Адам. Мне тяжело их видеть!

Дараган. Иди на аэродром...

Адам уходит. Наступает молчание.

Дараган стоит в солнце, на нем поблескивает снаряжение.

Ефросимов стоит в тени.

Дараган. Здравствуй, профессор.

Ефросимов. Здравствуй, истребитель. (Морщится, дергается.)

Дараган. Я – не истребитель. Я – командир эскорта правительства всего мира и сопровождаю его в Ленинград. Истреблять же более некого. У нас нет врагов. Обрадую тебя, профессор: я расстрелял того, кто выдумал солнечный газ.

Ефросимов (поежившись). Меня не радует, что ты кого-то расстрелял!

Вирус (внезапно). Efrossimoff?!

Дараган. Да, да, он – Ефросимов. Смотри на него! Он спас твою жизнь. (Указывает на аппарат.)

Вирус. Nombre genial![11] (Указывает на свой шрам.)

Ева. Саша! Умоляю, не спорь с ним, не раздражай его! Зачем? Не спорь с победителем! (Дарагану.) Какой ты счет с ним сводишь? Зачем нам преградили путь? Мы – мирные люди, не причиняем никому зла. Отпустите нас на волю!.. (Внезапно к Вирусу.) Женщина! Женщина! Наконец-то вижу женщину! (Плачет.)

Дараган. Успокойте ее, дайте ей воды. Я не свожу никаких счетов. (Ефросимову.) Профессор, тебе придется лететь с нами. Да, забыл сказать... ты сбил меня... я жалею, что стрелял в тебя, и, конечно, счастлив, что не убил. (Маркизову.) Спасибо тебе, Генрих!

Маркизов. Я понимаю, господи! Я – человек ловкий! Скажи, пожалуйста, Дараган, как теперь с долларами будет?

Пончик. Кретин! (Скрывается.)

Дараган. Какими долларами? Что ты, хромой?

Маркизов. Это я так... Из любознательности. Змей! (Скрывается.)

Дараган (Ефросимову). Ты жаждешь покоя? Ну что же, ты его получишь! Но потрудись в последний раз. На Неве уже стоят гидропланы. Мы завтра будем выжигать кислородом, по твоему способу, пораженный город, а потом... живи где хочешь. Весь земной шар открыт, и визы тебе не надо.

Ефросимов. Мне надо одно – чтобы перестали бросать бомбы, – и я уеду в Швейцарию.

Слышен трубный сигнал, и в лесу ложится густая тень от громадного воздушного корабля.

Дараган. Иди туда, профессор!

Ефросимов. Меня ведут судить за уничтожение бомб?

Дараган. Эх, профессор, профессор!.. Ты никогда не поймешь тех, кто организует человечество. Ну что ж... Пусть по крайней мере твой гений послужит нам! Иди, тебя хочет видеть генеральный секретарь.

Адам и Ева. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Занавес

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!